

МАХАТМА

ГАНДИ

МОЯ ЖИЗНЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Махатма Ганди

**Моя жизнь, или История моих
экспериментов с истиной**

«Издательство АСТ»

1925

УДК 929(540)
ББК 63.3(5Инд)-8

Ганди М. К.

Моя жизнь, или История моих экспериментов с истиной /
М. К. Ганди — «Издательство АСТ», 1925 — (Эксклюзивная
классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-119029-3

Предлагаемая вниманию читателей книга – это не просто автобиография Махатмы Ганди, это откровенный и трогательный рассказ о поисках и обретении правды, о взлетах и падениях одного из самых почитаемых политических лидеров XX века. Как смог этот проповедовавший ненасилие аскет вступить в схватку за независимость целой нации и выйти победителем? Как смог Ганди стать идейным вдохновителем поколений и обрести последователей по всему земному шару? Разгадка кроется в самой личности автора, которую невозможно понять, не познакомившись с его размышлениями о жизни, вере и любви к людям. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 929(540)
ББК 63.3(5Инд)-8

ISBN 978-5-17-119029-3

© Ганди М. К., 1925
© Издательство АСТ, 1925

Содержание

Вступление	6
Часть I	9
1. Рождение и семья	9
2. Детство	11
3. Детский брак	13
4. В роли мужа	15
5. В средней школе	17
6. Трагедия	20
7. Трагедия (продолжение)	22
8. Воровство и расплата	24
9. Смерть отца и мой двойной позор	26
10. Приобщение к религии	28
11. Собираясь в Англию	31
12. Изгнание из касты	34
13. Наконец в Лондоне!	36
14. Мой выбор	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Махатма Ганди
Моя жизнь, или История моих
экспериментов с истиной

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *И. Моничева*

© Перевод. И. Моничев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Вступление

Около четырех или пяти лет назад по настоянию ближайших соратников я согласился написать автобиографию. Я принялся за дело, но мне едва удалось перевернуть первую страницу, как в Бомбее вспыхнули беспорядки, и работу пришлось приостановить. Затем последовала череда событий, кульминацией которых стало мое пребывание в Йервадской тюрьме. Джерамдас, товарищ по заключению, уговаривал меня отложить все дела и завершить автобиографию. Я отвечал, что уже наметил себе план действий и не могу думать ни о чем другом, пока не выполню его. Полагаю, что я дописал бы автобиографию, если бы отбыл полный срок в Йерваде, но мне еще оставалось около года до его окончания, когда меня освободили. Теперь Свами Ананд повторил предложение, и поскольку я уже закончил работу над историей сатьяграхи¹ в Южной Африке, то решил взяться за автобиографию для «Навадживана». Свами хотел, чтобы я опубликовал автобиографию отдельной книгой, но у меня не было свободного времени. Я мог писать только по одной главе в неделю. А ведь мне так или иначе приходилось еженедельно публиковать что-то в «Навадживане». Почему бы не фрагменты автобиографии? Свами согласился со мной, и вот я взялся за тяжкий труд.

Тем временем у одного из моих богобоязненных друзей возникли сомнения, которыми он поделился со мной в мой «день молчания»².

– Что заставило тебя пуститься в эту авантюру? – спросил он. – Автобиография – обычай западного толка. Я не знаю никого на Востоке, кто написал бы подобную работу, за исключением людей, попавших под влияние Запада. Да и что ты напишешь? Предположи только, что завтра ты отвергнешь идеи, которые считаешь принципиальными сегодня, или в будущем пересмотришь планы, намеченные в день нынешний. Разве не рискуют впасть в ошибку те люди, которые последуют за твоим авторитетным словом – устным или письменным? Не лучше ли будет отказаться от этой затеи? По крайней мере сейчас.

Его аргументы показались мне в чем-то справедливыми. Но моей целью не было написание автобиографии как таковой. Я просто стремился рассказать историю собственных многочисленных экспериментов с истиной, а поскольку моя жизнь целиком состоит из них, то такая история неизбежно примет форму автобиографии. Я отнюдь не против, если каждая страница будет повествовать исключительно о моих экспериментах. Я верю, или по меньшей мере я льщу себя надеждой, что связанный отчет о них окажется полезным для читателя. Мои опыты в сфере политики теперь известны не только в Индии, но до некоторой степени и в так называемом «цивилизованном» мире. Лично для меня они не представляют особой ценности, а титул «махатма»³, который они мне дали, стало быть, я ценю еще меньше. Зачастую титул приносил мне глубокие огорчения, и я не помню ни одного мгновения, когда мог бы сказать, что он тешил мое тщеславие. Но я, безусловно, желал бы рассказать о собственных духовных экспериментах, известных пока лишь мне одному. В них я нашел силы для своей политической деятельности. Если мои эксперименты действительно носят духовный характер, то они не станут источником гордыни. Напротив, они – источник моей скромности. Чем больше я раздумываю и оглядываюсь в прошлое, тем живее ощущаю собственные недостатки и ограниченность.

---

¹ Сатьяграха – разработанный самим Ганди метод ненасильственной борьбы за независимость Индии. Опирается на несотрудничество и гражданское неповиновение. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² «День молчания» – особая практика медитации в индуизме и буддизме. В «день молчания» контакты с окружающим миром сводятся к минимуму и человек полностью погружается в размышления.

³ Махатма (*санскр.* «Великая душа») – титул, который присвоил Ганди и популяризировал писатель, поэт и общественный деятель Рабиндранат Тагор. Подлинное имя автора – Мохандас Карамчанд Ганди.

В течение тридцати лет я желал лишь одного – самореализации, встречи лицом к лицу с Богом, обретения мокши⁴. Я живу, двигаюсь, существую ради этого. Любое мое выступление, устное или письменное, моя политическая деятельность – все это направлено к тому же результату. И поскольку я всегда верил, что доступное одному – доступно всем, мои опыты проводились не келейно, а совершенно открыто, и, мне кажется, этот факт не умаляет их духовную ценность. Есть нечто, известное только самому человеку и его Создателю. Понятно, что это должно оставаться в тайне. Эксперименты, о которых я намерен рассказать, совсем другого рода. Они из духовной или даже скорее моральной сферы, потому что сущность религии заключена в морали.

Только те религиозные аспекты, которые могут быть в одинаковой степени поняты и детьми, и людьми зрелого возраста, будут включены в это повествование.

Если я смогу бесстрастно и смиренно рассказать о них, многие другие искатели получают силы продолжать свои поиски. Причем я вовсе не считаю, что достиг совершенства. Мои притязания не идут дальше притязаний ученого, который, несмотря на аккуратную и обдуманную работу, никогда не заявляет, что его выводы неопровержимы и непогрешимы, но сохраняет трезвый взгляд на них. Я пристально наблюдал за собой, всесторонне изучал себя, проверял и анализировал каждую психологическую ситуацию, и все же я далек от того, чтобы объявить свои выводы хоть сколько-нибудь окончательными или безошибочными. Но одно заявление я обязан сделать, и вот какое: мне самому мои умозаключения все же представляются верными и кажутся на данный момент конечными. Не будь они таковыми, я не смог бы руководствоваться ими в своих действиях. Однако, прежде чем сделать каждый новый шаг, я принимал или отвергал их, а затем действовал соответственно. И пока результаты моих действий полностью удовлетворяют мой разум и мое сердце, мне следует твердо придерживаться собственных выводов.

Если бы мне предстояло обсуждать здесь чисто академические принципы, то уж точно не следовало пытаться делать это в виде автобиографии. Но поскольку задача состоит в том, чтобы дать читателю представление о различных практических применениях моих идей, я дал главам подзаголовок: «*История моих экспериментов с истиной*». Сюда войдут эксперименты с ненасилием, celibатом и прочими принципами поведения, которые обычно считаются далекими от истинных. Однако, с моей точки зрения, истина – это наивысший из принципов, включающий в себя множество других. Истина означает не только правдивость слов, но и правдивость мыслей; не только относительную истину наших представлений, но и абсолютную истину, вечный принцип, который есть Бог. Существует бесчисленное количество определений Бога, поскольку бесчисленны Его проявления. Они повергают все мое существо в изумление, в священный трепет и способны на какое-то мгновение ошеломить меня. Но я поклоняюсь Богу только как истине. Я все еще не обрел Его, но ищу и готов пожертвовать наиболее дорогим, чтобы достичь успеха в этих поисках. Даже если потребуется пожертвовать самой жизнью, надеюсь, что окажусь готов отдать и ее. Однако пока я не познал этой абсолютной истины, приходится придерживаться относительной истины в том виде, в каком я ее понимаю. Эта относительная истина должна на время стать моим маяком, щитом и прикрытием. Хотя этот путь слишком прям, узок и кажется острее лезвия бритвы, для меня он был самым быстрым и простым. Даже мои грубейшие ошибки, названные мною же «огромными, как Гималаи», выглядели такими незначительными, потому что я строго держался намеченного пути. Именно этот путь не позволил мне впасть в уныние, и я снова стал продвигаться вперед на свой путеводный свет. Зачастую на этом пути я видел проблески абсолютной истины, Бога, и с каждым днем все больше убеждался, что Он один реален, а все остальное нереально. Пусть же те, кто пожелает, поймут, каким образом я пришел к этому убеждению, пусть они разделят со мной плоды

---

⁴ Мокша – философское понятие, означающее освобождение от череды рождений и смертей и слияние с Богом, спасение.

моих экспериментов и мои взгляды, если смогут. Я также твердо уверен в другом: все, доступное мне, доступно даже ребенку, и у меня есть все основания утверждать это. Инструменты, необходимые для поисков истины, столь же просты, насколько трудны сами поиски. Они могут показаться недоступными излишне самонадеянному человеку, но ими сможет воспользоваться невинный ребенок. Тот, кто ищет истину, должен стать смиреннее пыли. Мир попирает пыль своими ногами, но искатель истины обязан добиться от себя такого смирения, чтобы даже сама пыль попирала его. Только тогда, и никак не прежде, узрит он проблеск истины. Диалог между Васиштхой и Вишвамитрой⁵ показывает это как нельзя лучше. Христианство и ислам тоже полностью принимают такую концепцию.

Если что-либо написанное мной на этих страницах покажется читателю проявлением гордыни, то он должен истолковать это как неверное направление моих поисков, а мои прозрения – как миражи. Пусть сотни подобных мне сгинут ради окончательного торжества истины. Мы не имеем права даже на волосок отступить от правды, когда оцениваем действия простых смертных – таких как я.

Молюсь о том, чтобы никто не посчитал советы, в произвольном порядке помещенные в последующих главах, единственно верными. Эксперименты, о которых рассказано, должны восприниматься только в качестве примеров, чтобы каждый, познакомившись с ними, мог начать свои собственные опыты в соответствии с личными наклонностями и способностями. Хочу верить, что с этой оговоркой мои примеры окажутся действительно полезными, поскольку я не собираюсь приуменьшать значение неприглядных вещей, о которых тоже обязан рассказать. Надеюсь многое поведать читателю и о своих заблуждениях и ошибках. Моя цель – описать эксперименты в области сатьяграхи, а не показать, как я хорош. В суждениях о себе я постараюсь быть столь же суровым, как сама правда, чего ожидаю и от других людей. Оценивая себя так строго, должен воскликнуть вместе с Сурдасом⁶:

Где еще в целом мире есть такой же мерзавец, как я?
Настолько погрязший в грехе и в пороке, чтобы тоже
Отречься от Создателя своего.
Вот до чего довело отсутствие подлинной веры⁷.

Потому что для меня стало нескончаемой пыткой осознание, что я по-прежнему очень далек от Него – от Того, Кто, как я прекрасно понимаю, управляет каждым моим вздохом, от Того, чьим творением я являюсь. И даже зная, что это мои порочные страсти не позволяют мне приблизиться к Нему, я все еще не могу избавиться от них.

Однако пора заканчивать. Мне остается только приступить к рассказу о своей жизни уже в следующей главе.

*М. К. Ганди.
Ашрам, Сабармати,
26 ноября 1925 г.*

---

⁵ Васиштха и Вишвамитра – персонажи индийского эпоса.

⁶ Сурдас – слепой индийский поэт и певец XV–XVI вв., восхваливший в своих стихах Кришну.

⁷ Здесь и далее перевод стихотворений И. Моницева.

Часть I

1. Рождение и семья

Семья Ганди принадлежит к касте банья, и, по всей видимости, когда-то ее члены были бакалейщиками. Но затем мужчины трех поколений семьи, начиная с моего деда, были премьер-министрами в нескольких княжествах Катхиявара. Уттамчанд Ганди, известный также под именем Ота Ганди, мой дед, был, вероятно, человеком принципиальным. Политические интриги вынудили его покинуть Порбандар, где он был диваном⁸, и искать убежища в Джунагадхе. Там он обыкновенно приветствовал наваба⁹ левой рукой. Кто-то заметил это, посчитал неуважительным и потребовал от деда объяснений. Он отвечал так: «Моя правая рука уже принадлежит Порбандару».

Овдовев, Ота Ганди женился вновь. Имел четверых сыновей от первой жены и двоих от второй. Не думаю, что в детстве я когда-либо чувствовал или понимал, что сыновья Ота Ганди родились не от одной матери. Пятым из шести братьев был Карамчанд Ганди (или Каба Ганди, как его называли), а шестого звали Тулсидас Ганди. Эти братья были премьер-министрами Порбандара один за другим. Мой отец, Каба Ганди, служил в раджастанском суде. Ныне этот суд упразднен, но тогда он был довольно влиятельным органом, который разрешал споры между главами и членами кланов. Каба Ганди какое-то время был премьер-министром сначала в Раджкоте, а потом в Ванканере. Он получал пенсию от раджкотского правительства до самой своей смерти.

Каба Ганди был женат четырежды, но первых трех жен забрала смерть. От первого и второго браков у него было две дочери. Его последняя жена Путлибай родила ему еще одну дочь и трех сыновей, причем я стал самым младшим.

Мой отец искренне любил свой род. Он был честным, храбрым и щедрым человеком, но при этом слишком вспыльчивым. В известной степени он, видимо, охотно предавался плотским утехам, поскольку женился в четвертый раз, когда ему уже перевалило за сорок. Он слыл человеком неподкупным и приобрел хорошую репутацию в своей семье и вне нее. Его преданность государству была хорошо известна. Однажды помощник политического агента оскорбительно отозвался о такор-сахибе¹⁰ Раджкота, у которого служил Каба Ганди, и мой отец выступил с ответным оскорблением. Агент разгневался и потребовал извинений. Каба отказался извиняться, за что провел под арестом несколько часов, и, лишь убедившись в негибкости духа Каба Ганди, агент отдал приказ освободить его.

Отец никогда не стремился к обогащению и оставил нам очень незначительное состояние. Никакого образования он не получил – образование ему заменил жизненный опыт. В лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Истории и географии не знал совсем. Однако богатый практический опыт помогал ему разбираться в самых запутанных вопросах и управлять сотнями подчиненных. Точно так же никто не объяснял ему основ религии, но он обладал той внутренней религиозной культурой, какую многим индусам дают частые посещения храмов и слушание религиозных проповедей. В последние дни жизни он взялся за чтение «Гиты»¹¹ по настоянию брахмана, друга семьи, и ежедневно повторял вслух некоторые стихи из нее во время молитв.

---

⁸ Диван – титул крупного чиновника.

⁹ Наваб – наместник, правитель индийской провинции.

¹⁰ Такор-сахиб – правитель Раджкота.

¹¹ Здесь имеется в виду «Бхагавадгита» («Божественная песнь») – памятник древнеиндийской литературы, часть «Махаб-

Мать осталась в моей памяти как поистине святая женщина. Она была глубоко религиозна и не могла думать о еде, не помолившись. Посещения *хавели* – храма вишнуитов – стали для нее частью ежедневных обязанностей. Я не припомню, чтобы она хотя бы раз пропустила чатурмас¹². При этом мать давала самые тяжелые обеты и строго их соблюдала. Никакая болезнь не могла помешать ей. Помню, она заболела во время чандраяны¹³, но даже этот недуг не сломил ее. Два или три дня поста подряд она выдерживала с легкостью. Питаться всего лишь раз в день в период чатурмаса вошло у нее в привычку. Но и это не удовлетворяло ее. В один из чатурмасов она постилась через день. Однажды во время такого чатурмаса она решила не есть, пока не увидит солнца. В подобные дни мы – ее дети – дежурили, неотрывно глядя в небо, чтобы оповестить о появлении светила нашу маму. А ведь каждому известно, что в сезон дождей солнце вообще много дней не показывается людям. Помню, как мы, внезапно увидев солнце, мчались сообщить ей об этом, но пока она выбегала из дома, чтобы убедиться во всем самой, изменчивая погода уже прятала солнце за облаками, лишая таким образом мать возможности поесть.

– Это не имеет значения, – говорила она тогда почти весело. – Значит, Бог не захотел дать мне пищу сегодня.

И спокойно возвращалась к обычным хлопотам.

Мама умела мыслить поистине здраво. Кроме того, ее отличала прекрасная осведомленность в государственных делах, и придворные дамы высоко ценили ее ум. Зачастую я сопроваждал мать, пользуясь привилегией, какую давал мне мой детский возраст, и до сих пор помню многие ее оживленные разговоры с вдовствовавшей матерью такор-сахиба.

Я родился 2 октября 1869 года в Порбандаре, известном также как Судамапури. Там и провел детство. Помню, как меня впервые привели в школу. Даже таблица умножения давалась мне не без труда. Тот факт, что о школьных годах мне не вспоминается ничего, кроме всякого рода прозвищ, которыми я вместе с другими учениками награждал преподавателей, говорит о моей неразвитости и посредственности памяти в тот момент.

хараты», источник мудрости и познания для индийцев.

¹² Чатурмас – буквально «четыре месяца». Четырехмесячный пост, который держат в сезон дождей.

¹³ Чандраяна – тип поста, в котором количество потребляемой ежедневно пищи зависит от фаз луны (постепенно уменьшается и вновь увеличивается).

2. Детство

Мне было около семи лет, когда мой отец покинул Порбандар и перебрался в Раджкот, чтобы стать членом раджастанского суда. Там меня отдали в начальную школу, и я до сих пор прекрасно помню те дни, включая даже имена и привычки преподавателей, учивших меня. Как и об учебе в Порбандаре, я едва ли найду сказать что-либо примечательное о моем образовании здесь. Вероятно, меня считали весьма посредственным учеником. Из этого учебного заведения меня перевели в пригородную школу, а затем, когда мне исполнилось двенадцать лет, – в среднюю. Не помню, чтобы я хоть однажды соврал учителям или одноклассникам. Я был крайне застенчив и избегал любых компаний, предпочитая общество учебников. Приходить в школу точно в назначенное время и убегать домой, как только занятия заканчивались, стало моей привычкой. Причем я убегал из школы в прямом смысле слова, потому что мне казалось невыносимым всякое общение. Я даже опасался, что кто-нибудь заметит это и будет надо мной подшучивать.

В первый год моего обучения в средней школе во время экзаменов произошел случай, о котором стоит упомянуть. С проверкой нагрянул мистер Джайльс, инспектор народного образования. Он предложил нам написать пять слов в качестве орфографического упражнения. Одним из них было слово «котелок». Я написал его с ошибкой. Учитель исподтишка пнул меня под партой ботинком, призывая исправить ошибку, но я его не понял. До меня никак не доходило, чего он добивался, а он всего лишь хотел, чтобы я правильно списал слово с доски своего соседа. В моем представлении учителя как раз и обязаны были следить за списыванием и предотвращать его. В результате все мальчики написали эти пять слов правильно, кроме меня. Только я показал себя нерадивым учеником. Позже тот учитель попытался объяснить мне суть моего глупого поступка, но безуспешно. И я так никогда уже и не приобщился к «искусству» списывания у других.

Но этот случай несколько не умалил моего уважения к учителю. Я словно был от природы слеп к недостаткам людей старшего поколения. Позже я узнал и о многих других недостатках этого же учителя, но мое почтительное отношение к нему не изменилось, поскольку я научился исполнять приказы старших, а не анализировать правильность или неправильность их действий.

Два других случая из того же периода навсегда остались в моей памяти. Я тогда не желал читать ничего, кроме школьных учебников. Я исправно выполнял домашние задания, потому что не любил, когда учитель отчитывал меня за лень, и не хотел обманывать его. Мне кажется, я усваивал содержание урока, но зачастую не прилагал достаточно умственных усилий. А если даже основные уроки я не мог вызубрить как следует, то что тут говорить о дополнительном чтении. Но однажды мне на глаза попала книга, приобретенная отцом. Это была «Шравана Питрибакти Натака» (пьеса о преданности Шравана своим родителям). Я прочитал ее с глубочайшим интересом. Примерно тогда же в наши края приехала труппа бродячих актеров. Мне довелось посмотреть сценку, в которой Шраван нес в корзинах на ремнях, переброшенных через плечи, своих слепых родителей к святым местам. Книга и сценка в исполнении актеров произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому следует подражать», – сказал я себе. Вид родителей, горько и отчаянно оплакивающих смерть Шравана, все еще жив в моей памяти. Потрясающая мелодия из спектакля до такой степени тронула мою душу, что я стал играть ее на концертину, купленную мне отцом.

Аналогичный эпизод был связан с другой пьесой. Вскоре после вышеописанного случая я получил разрешение родителей посмотреть спектакль в исполнении одного драматического

коллектива. Постановка «Харишчандры»¹⁴ тоже покорила меня. Я мог бы без устали смотреть спектакль много раз подряд, но, разумеется, мне никто не позволил бы постоянно посещать театр. Вот только мысль о нем преследовала меня, и тогда я в одиночестве разыгрывал роль Харишчандры снова и снова. «Почему все люди не могут быть такими же правдивыми, как Харишчандра?» Этим вопросом я задавался день и ночь. Следовать истине и пройти через все испытания, выпавшие на долю Харишчандры, – так я сформулировал свою задачу. Я все-речь воспринимал историю Харишчандры как нечто происшедшее на самом деле. Мысли о нем часто вызывали у меня слезы. Теперь здравый смысл подсказывает мне, что Харишчандра никак не мог быть историческим лицом. Однако и он, и Шравана до сих пор настолько реальны для меня, что я уверен – я буду тронут, как и прежде, если перечитаю эти пьесы.

---

¹⁴ Харишчандра – царь Солнечной династии, добродетельный и щедрый правитель, персонаж индийской мифологии.

3. Детский брак

Сколь бы ни было велико мое нежелание писать эту главу, я знаю, что еще много горьких пилюль мне предстоит проглотить по ходу своего повествования. Я не могу поступить иначе, если провозглашаю себя служащим истине человеком, и потому болезненной необходимостью становится для меня поведать здесь о своей женитьбе в тринадцать лет. Когда я вижу сейчас тринадцатилетних подростков, находящихся на моем попечении, и думаю о собственной женитьбе, мне становится жаль себя самого, но я радуюсь за них, ведь они избежали моей участи. Не нахожу никаких моральных аргументов в поддержку настолько нелепо раннего вступления в брак.

Читатель не должен заблуждаться: речь идет о настоящем браке, а не о помолвке. Дело в том, что в Катхияваре существуют два разных обряда: помолвка и женитьба. Помолвка – это предварительное взаимное обещание родителей мальчика и девочки в будущем сочетать их браком. Оно не является окончательным и необратимым. Смерть мальчика не повлечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение исключительно между родителями, и дети не принимают в нем никакого участия. Зачастую их даже не ставят о нем в известность. Я, как выяснилось, был помолвлен трижды, но ничего не знал об этом. Позже мне сказали, что две девочки, выбранные для меня, умерли одна за другой, из чего я делаю вывод о трех моих помолвках. У меня сохранилось смутное воспоминание, что третья помолвка состоялась, когда мне было семь, но не помню, чтобы мне сказали об этом. В этой главе я расскажу именно о своей женитьбе. Ее я помню очень ясно, во всех деталях.

Повторю, что у меня было два брата. Один из них уже состоял в браке. Старшие приняли решение женить одновременно моего второго брата, который был на два или три года старше меня, кузена, который был, вероятно, примерно на год старше, и меня самого. При этом наше благополучие, казалось, никого не беспокоило и уж совсем не учитывались наши пожелания. Для старших в решении этого вопроса важны были их собственное удобство и экономия.

Индусская свадьба – довольно сложное и хлопотливое дело. Родители жениха и невесты оказываются зачастую совершенно разорены. Они тратят множество денег и времени. На подготовку уходят месяцы, в течение которых шьется нарядная одежда, изготавливаются украшения, откладываются средства для торжественных трапез. Семьи соревнуются в количестве и разнообразии блюд. Женщины непрерывно, до хрипоты поют (и не имеет значения, обладают ли они хорошими голосами или нет), нарушая покой соседей. Те, в свою очередь, примиряются с суматохой и шумом, с грязью и отходами, остающимися после пиршеств, поскольку знают: наступит время, и им тоже придется вести себя точно так же.

Будет лучше, решили старшие в моей семье, пережить это лишь однажды. Больше блеска за меньшую сумму, ведь расходовать средства нужно будет только один раз вместо трех. Мои отец и дядя достигли уже преклонного возраста, а мы оставались последними детьми, которых им предстояло женить. Вполне вероятно, что им самим хотелось повеселиться на закате жизни. Вот так и было решено сыграть тройную свадьбу, и, как я уже упомянул выше, ушли месяцы на подготовку к ней.

Только по этим приготовлениям мы догадались о предстоящем событии. Не думаю, что для меня оно было чем-то большим, чем просто возможностью облачиться в праздничный наряд, послушать бой барабанов, возглавить свадебную процессию, отведать роскошных блюд и познакомиться с девочкой, чтобы играть с ней. Плотские желания я познал позже. Предлагаю опустить занавес и скрыть мой позор. Поведаю лишь о некоторых подробностях, но чуть позже. Они имеют очень мало отношения к главной идее, руководствуясь которой я взялся за написание этой книги.

Итак, я и мой брат отправились из Раджкота в Порбандар. И пусть были некоторые интересные подробности, предшествовавшие финалу этой драмы, – например, покрытие наших тел пастой из куркумы, – я считаю, что должен опустить их здесь.

Хотя мой отец занимал пост дивана, он все же оставался слугой, что только усугублялось особым расположением к нему такор-сахиба. Правитель не отпускал его от себя до самого последнего момента, а когда соизволил все-таки отпустить, распорядился выделить ему специальный дилижанс, чтобы сократить время в пути на два дня. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. От Раджкота до Порбандара сто двадцать миль. Поездка в обычном экипаже занимает пять дней. Мой отец преодолел расстояние за три, но при третьей смене лошадей дилижанс опрокинулся, и отец получил достаточно тяжелые травмы. Он прибыл весь перемотанный бинтами. Это, безусловно, наполовину расстроило наши планы, и все же церемония должна была состояться. Дата намеченной свадьбы не может быть изменена. К слову, я не стал долго горевать из-за травм, полученных отцом, предвкушая свадебную церемонию.

Конечно, я был предан родителям, но тогда еще не умел усмирять свои страсти. Мне только предстояло усвоить, что любое личное счастье и мирские удовольствия следует принести в жертву интересам родителей. И словно в наказание за стремление к наслаждениям случилось еще одно происшествие, всегда потом тревожившее мою память. О нем я расскажу позже. Нишкулананд¹⁵ поет: «Отказ от предмета желаний без отказа от самих желаний бесполезен, чего бы он вам ни стоил». Когда я сам пою эти строки или слышу их в исполнении других, те горестные и печальные события всплывают в моей памяти и наполняют меня стыдом.

Мой отец, несмотря на травмы, набрался мужества и принял полноценное участие в торжестве. Я и сейчас отчетливо вижу его мысленным взором, вижу все те места, где он сидел во время разных этапов церемонии. Я тогда и вообразить себе не мог, что наступит время, когда я осужу отца за мой ранний брак, а в тот день все казалось мне правильным, уместным и приятным. Я ведь и сам горячо стремился к браку! Все, что делал отец, выглядело безупречным. Воспоминания до сих пор живы в моей памяти: как мы сидим под балдахином новобрачных, как выполняем саптапади¹⁶, как кладем друг другу в рот сладкий кансар¹⁷ и как начинаем совместную жизнь. О, эта первая брачная ночь! Двое невинных детишек совершенно неожиданно оказываются брошенными в океан жизни. Жена старшего брата тщательно проинструктировала меня, как вести себя в первую ночь. Кто давал советы моей жене, я не знаю. Никогда не спрашивал ее об этом и не хочу спрашивать теперь. Как бы то ни было, читатель может себе представить, насколько мы оба нервничали, оказавшись наедине. И я, и она были до крайности застенчивы. Как мне разговаривать с ней и что именно сказать? Наставления мне в этом не помогли. Но в подобных ситуациях никакие советы и не требуются, поскольку они неизбежно оказываются слишком поверхностными. Постепенно мы начали узнавать друг друга и свободно общаться. Мы с ней были одного возраста, но я сразу же стал вести себя как глава семьи.

---

¹⁵ Нишкулананд (1766–1848) – один из наиболее почитаемых гуджаратских поэтов.

¹⁶ Саптапади – индусский обряд семи шагов, которые жених и невеста делают вместе, после чего их брак считается действительным.

¹⁷ Кансар – гуджаратский десерт из пшеничной муки и сахарной пудры. Индийские новобрачные едят его по завершении свадебной церемонии.

4. В роли мужа

В то время, когда я женился, публиковались коротенькие брошюры, стоившие пайсу или пай¹⁸ (сейчас уже не помню точно). Их авторы писали о супружеской любви, семейной экономии, детских браках и многих других аспектах того же рода. Когда мне попадались эти издания, я прочитывал их от корки до корки и тут же забывал то, что мне не нравилось, а то, что приходилось по душе, применял на практике. Пожизненная верность жене, часто упоминавшаяся в этих брошюрах, навсегда запечатлелась в моем сердце. Кроме того, присущее мне страстное стремление к правде полностью исключало обман супруги с моей стороны. Впрочем, в таком нежном возрасте у меня почти не было шансов изменить ей.

Но уроки верности имели не только положительные стороны. «Если я должен быть верен жене, то и она обязана быть верной мне», – сказал я себе. И эта мысль сделала меня ревнивым супругом. Обязанность жены незаметно превратилась в мое право требовать от нее полной преданности, поэтому я стал следить за ней. Не было абсолютно никаких оснований подозревать ее в неверности, но ведь ревность зачастую и не нуждается в доводах рассудка. Я хотел контролировать каждый шаг жены, и она не могла отправиться куда-либо без моего разрешения. Все это посеяло семена раздора между нами, привело к ожесточенным ссорам. Ограничения, наложенные мной, стали для жены чем-то вроде клетки, а Кастурбай не принадлежала к числу девушек, готовых мириться с подобным положением. Она намеренно начала ходить туда, куда ей было угодно, и тогда, когда хотелось. Чем больше я ущемлял ее, тем большей свободой считала нужным пользоваться она, а я все сильнее и сильнее злился на нее. Так и случилось, что мы, супруги-дети, отказались разговаривать друг с другом. Я считаю теперь вполне невинными попытки Кастурбай отстоять свою свободу вопреки моим запретам. Как могла наивная девочка изменить мне, посещая храм или навещая подруг? И если я решил, что имею право ограничивать ее, то разве не обладала таким же правом она? Сейчас все это стало мне совершенно ясно, но тогда я считал нужным демонстрировать ей свой авторитет мужа.

Пусть читатель не думает, впрочем, что вся наша жизнь состояла в то время из одних только горьких обид, поскольку мои попытки стать строгим супругом были продиктованы любовью. Я хотел сделать из моей жены идеальную жену, приучить ее к чистой и непорочной жизни, научить тому, чему научился я сам, чтобы мы жили и мыслили одиноково.

Я не знаю, разделяла ли Кастурбай мои устремления хотя бы отчасти. Она была неграмотна. Природа наделила ее простотой, независимостью, упорством и, пусть даже это проявлялось только в отношениях со мной, сдержанностью. Она ничуть не стеснялась своего невежества, и я не помню, чтобы моя учеба когда-либо вдохновляла ее учиться самой. Вероятно, мои амбиции так и остались только моими собственными. Моя страсть целиком сосредоточилась на одной девушке, и мне хотелось от нее взаимности. Но даже если добиться ее не удавалось, совместная жизнь не превратилась для нас в сплошную муку, потому что один из нас действительно любил.

Надо признаться, я был страстно влюблен в Кастурбай. Даже на уроках в школе я часто думал о ней, и мысль о предстоящей ночи и нашей встрече неизменно преследовала и радовала меня. Разлука казалась невыносимой. Я порой не давал жене спать до глубокой ночи своими пустыми разговорами. Если бы эта всепоглощающая страсть не уживалась во мне с горячей преданностью своему долгу, я бы либо пал жертвой болезни и преждевременной смерти, либо влачил бы жалкое существование. Однако каждый новый день приносил новые дела и обязанности, а о том, чтобы обманывать полагавшихся на меня людей, не могло быть и речи. Именно это уберегло меня от многих ошибок.

---

¹⁸ Пайса, пай – мелкие индийские монеты.

Как я уже упомянул, Кастурбай была неграмотна. Я очень хотел обучать ее, но чувственная любовь не оставляла времени. Прежде всего, учить приходилось бы против ее воли и тоже только по ночам. Я не осмеливался ни встречаться, ни разговаривать с ней в присутствии старших. В те времена в Катхияваре господствовал странный, бессмысленный и варварский обычай, согласно которому женщина должна была закрываться *пурдой*. В какой-то мере этот обычай жив и сейчас. Обстоятельства, таким образом, сложились для нас весьма неблагоприятные. Приходится признать, что мои усилия обучать Кастурбай еще в юности не увенчались успехом. А когда я очнулся от забытья страсти, то уже был вовлечен в общественную жизнь и свободного времени у меня стало еще меньше. Точно так же потерпели провал мои попытки нанять для нее частных учителей. В результате Кастурбай и сейчас умеет лишь с трудом выводить буквы и читать простые тексты на гуджарати. Я убежден в том, что, будь моя любовь к ней совершенно не замутнена чувственным вождением, она стала бы вполне образованной дамой. Я бы сумел заинтересовать ее учебой, ведь теперь я знаю, что для чистой и непорочной любви нет ничего невозможного.

Выше я уже упомянул некоторые факторы, которые в той или иной степени помогли мне избежать катастрофических последствий плотской любви. Было и кое-что другое. Многочисленные примеры показали мне, что Бог всегда спасает того, чьи помыслы и намерения чисты. Наряду с жестоким обычаем браков между детьми индийское общество усвоило и еще один, который несколько смягчает зло, причиняемое такими браками. Родители не позволяют совсем юным парам подолгу оставаться вместе. Жена-подросток проводит больше половины времени в своем родительском доме. Так было и у нас. Соответственно, за первые пять лет брака (с тринадцати до восемнадцати лет) мы в общей сложности не смогли прожить вместе более трех. Как только проходило полгода, мою жену тотчас вызывали к себе родители. Тогда подобные вызовы нам очень не нравились, но они принесли спасение обоим. В восемнадцать лет я отправился в Англию, а это означало длительный и благотворный период разлуки для нас. Но даже по моем возвращении на родину мы по-прежнему оставались вместе не более шести месяцев, поскольку мне часто приходилось путешествовать из Раджкота в Бомбей и обратно. Затем последовало предложение из Южной Африки, которое застало меня уже в достаточной степени свободным от плотских желаний.

5. В средней школе

Как уже было сказано, ко времени своей женитьбы я еще учился в средней школе. Мы – трое братьев – ходили в одну и ту же школу. Старший из нас опередил меня на несколько классов, а тот, который женился одновременно со мной, – всего на класс. Из-за брака мы с ним потеряли целый год учебы, хотя для брата последствия были даже еще более тяжелыми: позже он совсем бросил школу. Одним только Небесам ведомо, скольких других юношей постигает та же участь. Лишь в современном индийском обществе учеба и женитьба идут рука об руку.

Моя же учеба продолжалась. В средней школе я уже не считался тупицей. Я наслаждался расположением преподавателей. Каждый год мои родители получали свидетельства об успеваемости и поведении. Мои знания никогда не оценивались как неудовлетворительные. Более того, меня даже наградили по окончании второго класса. После пятого и шестого я получал стипендии в размере четырех и десяти рупий соответственно, но причиной всего этого была, как мне кажется, скорее удача, чем мои собственные заслуги, поскольку стипендии были доступны не всем, а лишь отличившимся ученикам из региона Соратх в Катхияваре. Тогда в классе, в котором учились сорок или пятьдесят учеников, было не слишком много мальчиков из Соратха.

Не помню, чтобы я сам высоко оценивал свои способности. Я всегда искренне удивлялся, получая призы или стипендии, зато крайне ревностно относился к оценкам моего характера. Малейший упомянутый в характеристике недостаток вызывал у меня слезы. Мне было невыносимо слышать упрек учителя, даже если я его и заслужил. Однажды я был подвергнут телесному наказанию, и меня обидело не оно само, а тот факт, что преподаватель посчитал его справедливым. Помнится, я безутешно плакал. Это случилось, когда я учился еще в первом или втором классе средней школы. Затем подобный инцидент повторился в седьмом классе. Директором школы был тогда Дорабджи Эдулджи Гими. Ученики его уважали, ведь он умел поддержать дисциплину и был справедливым и хорошим учителем. Он сделал гимнастику и игру в крикет обязательными для старшеклассников. Я же терпеть не мог ни того ни другого, никогда не занимался гимнастикой, не играл в крикет или футбол, пока они не стали обязательной частью программы. Отчасти причиной, по которой я уклонялся от них, была моя застенчивость, и только теперь я понял, как ошибался. В то время я считал, что гимнастика не имеет ничего общего с образованием. Сегодня я твердо верю в необходимость школьного физического воспитания. Оно не менее важно, чем воспитание умственное.

Однако стоит отметить, что в те дни я не полностью отказывался от физических упражнений. Из книг я узнал о пользе долгих прогулок на свежем воздухе. Эти рекомендации мне понравились, и я придерживаюсь их до сих пор. Именно они помогли моему телу оставаться здоровым.

Другой причиной моей нелюбви к гимнастике было искреннее желание ухаживать за больным отцом. Как только занятия в школе заканчивались, я торопился домой, чтобы прислуживать ему. Обязательные занятия гимнастикой сильно мешали мне в этом, а потому я попросил мистера Гими освободить меня от них, чтобы находиться подле отца. Но директор не внял моей просьбе. А затем вышло так, что однажды в субботу, когда уроки проходили утром, мне нужно было вернуться обратно в школу в четыре часа пополудни, чтобы успеть на гимнастику. Часов у меня не было, а облачное небо ввело меня в заблуждение. Я появился в школе только тогда, когда остальные мальчики уже разошлись. На следующий день мистер Гими, проверив списки, обнаружил в них отметку о моем отсутствии. Когда он спросил меня о причинах, я честно рассказал ему о том, как это произошло. Он отказался поверить мне и приказал заплатить штраф (уже не помню, насколько крупный).

Меня обвинили во лжи! Событие причинило мне глубочайшую душевную боль. Как мог я доказать свою невиновность? Я не знал и плакал от величайшего огорчения. Но я понял тогда, что даже самый правдивый человек должен вести себя крайне осторожно. Это стало первым и последним случаем моего легкомысленного поведения в школе. У меня сохранилось смутное воспоминание, что позже я все-таки сумел добиться отмены штрафа. Получено было и разрешение не посещать гимнастические занятия, поскольку отец написал личное послание директору, в котором объяснил, что нуждается в моей помощи дома.

Хотя мне не слишком повредил отказ от физических упражнений, я до сих пор вынужден расплачиваться за свое пренебрежительное отношение к другому важному предмету. Сам не знаю, откуда она взялась, но я вбил себе в голову идею, что хороший почерк вовсе не важен для человека образованного, и придерживался такого мнения до самой своей поездки в Англию. Когда позже – особенно в Южной Африке – я видел красивые почерки юристов и просто любых молодых людей, получивших образование в африканской стране, мне пришлось устыдиться себя и раскаяться в своем заблуждении. Я понял, что некрасивый почерк считается признаком плохого образования. Я постарался затем улучшить мой собственный, но было уже слишком поздно. Мне так и не удалось исправить то, что было упущено в юности. Надеюсь, мой пример убедит каждого молодого человека или девушку в том, что красивый почерк – атрибут образованного человека. Сейчас я понимаю, что маленьких детей следует сперва обучать рисованию и только потом чистописанию. Пусть ребенок запомнит буквы, как запоминает все окружающие его предметы: цветы, птиц и так далее. Затем он может переходить к написанию букв, когда научится рисовать. Тогда он сразу начнет писать уже твердой и умелой рукой.

Еще два воспоминания о моих школьных днях заслуживают упоминания. Я потерял год из-за своей женитьбы, и учитель предложил мне пропустить класс, чтобы восполнить пробел, – эта привилегия обычно предоставлялась только трудолюбивым и усердным ученикам. Таким образом, я отучился всего шесть месяцев в третьем классе и был переведен в четвертый после экзаменов перед летними каникулами. Начиная с четвертого класса преподавание большинства предметов велось уже на английском языке, и я оказался в совершенно беспомощном положении. Одним из новых предметов стала геометрия, в которой я и так ориентировался не особенно хорошо, а английский язык только мешал мне понять материал. Учитель геометрии прекрасно вел занятия, но я не успевал следить за объяснениями. Часто я впадал в уныние и подумывал о возвращении в третий класс, ведь заменить два полноценных года учебы одним было слишком сложно. Однако если бы я вернулся, я бы подставил не только себя, но и того преподавателя, который понадеялся на меня и порекомендовал перевести меня в четвертый класс. Размышляя так, я держался из последних сил. Впрочем, стоило мне ценой невероятного труда добраться до тринадцатой теоремы Евклида, как абсолютная простота геометрии внезапно открылась мне. Предмет, требующий всего лишь способности находить причинно-следственные связи, не может быть сложным. С тех пор уроки геометрии стали для меня не только простыми, но и увлекательными.

Санскрит же был орешком потверже. В геометрии ничего не требовалось запоминать, а в санскрите, как я считал, все нужно было заучивать наизусть. Этот предмет тоже начинался с четвертого класса. Как только я добрался до шестого, я совсем растерялся. Преподаватель был очень требовательным и настойчивым. Он любил свой предмет и, как мне казалось, слишком давил на учеников. Между преподавателями санскрита и персидского языка было что-то вроде соревнования. Учитель персидского был не таким строгим. Ученики поговаривали, что персидский язык совсем простой, а учитель очень хорош и внимателен к ученикам. Эта «простота» соблазнила меня, и однажды я перешел в класс персидского языка. Преподавателя санскрита мой поступок глубоко опечалил. Он вызвал меня к себе и сказал:

– Как можешь ты забывать, что ты сын отца-вишнуита? Почему ты не хочешь изучать язык своей религии? Если у тебя возникли трудности, отчего ты не приходишь и не рассказываешь?

ваешь мне о них? Я хочу обучить вас санскриту настолько хорошо, насколько могу. Чем дольше ты будешь изучать язык, тем скорее сделаешь в нем совершенно потрясающие открытия. Не надо падать духом. Возвращайся же в класс санскрита.

Его доброта заставила меня устыдиться своего поведения. Я не мог не прислушаться к преподавателю, который так хорошо отнесся ко мне. Сегодня я должен поблагодарить Кришнашанкара Пандю. Если бы я не постиг тогда с его помощью основ санскрита, мне было бы трудно позже заинтересоваться нашими священными книгами. Более того, я глубоко сожалею, что не смог выучить санскрит еще лучше. Теперь я знаю, что все индийские мальчики и девочки должны владеть этим языком на достойном уровне.

По моему мнению, в программах всех индийских средних школ, кроме родного языка, должно найтись место для хинди, санскрита, персидского, арабского и английского языков. Подобный длинный список не должен никого пугать. Нужно только упорядочить наше образование и освободить учеников от тяжелой обязанности усваивать все прочие предметы на иностранном языке, и тогда изучение вышеперечисленных языков станет простым и приятным. По-настоящему хорошее знание одного языка делает изучение других относительно легким.

На самом деле хинди, гуджарати и санскрит могут считаться одним языком точно так же, как персидский и арабский. Хотя персидский принадлежит к арийской, а арабский – к семитской группе языков, между ними существует тесная связь. Оба языка развивались в период подъема ислама. Я также думаю, что не стоит рассматривать урду как отдельный язык, поскольку он взял за основу грамматику хинди, а в его словаре много персидских и арабских слов. Тот, кто хочет хорошо изучить урду, должен овладеть персидским и арабским, ну а тому, кто хочет хорошо изучить гуджарати, хинди, бенгали или маратхи, следует выучить санскрит.

6. Трагедия

Среди немногих друзей в средней школе я могу выделить двоих особенно близких. Одна такая дружба продлилась недолго, хотя я и не думал отвергать ее. Напротив, это меня отвергли за то, что я сошелся с другим. Именно эту дружбу я считаю одной из трагедий своей жизни. Она продолжалась довольно долго, и я попытался перевоспитать человека, с которым дружил.

Сначала мой товарищ общался с моим братом. Они учились в одном классе. Я знал его слабости, но закрывал на них глаза, так как считал его преданным другом. Мать, старший брат и моя жена предупреждали, что я связался с дурным человеком. Я был слишком горд, чтобы внять предостережениям жены, но не мог не считаться с мнениями матери и старшего брата. Тем не менее я оправдывался перед ними так:

– Мне известны те слабости, которые вы приписываете ему, но вы ничего не знаете о его достоинствах. Он не сможет сбить меня с пути, ведь я попытаюсь изменить его. Если он исправится, то станет прекрасным человеком, я уверен. Прошу вас не тревожиться обо мне.

Едва ли мои объяснения удовлетворили их, но они приняли мое мнение и позволили поступать по своему усмотрению.

Позже я понял, насколько ошибался. Тот, кто хочет изменить другого человека, не должен поддерживать с ним близкие отношения. Истинная дружба – это единство душ, которое редко встречается в нашем мире. Только между похожими натурами может расцвести дружба благотворная и прочная. Настоящие друзья как бы вступают в реакцию друг с другом, поэтому в дружбе не остается места для исправления другого. Я придерживаюсь мнения, что всякого сближения следует избегать, поскольку человеку свойственно впитывать порок гораздо быстрее, чем добродетель. Тот, кто стремится к дружбе с Богом, должен либо оставаться в одиночестве, либо суметь подружиться со всем миром. Я могу ошибаться, но моя попытка завести близкого друга не удалась.

Ко времени моей первой встречи с этим человеком Раджкот захлестнули «реформы». Товарищ рассказал мне, что многие наши учителя украдкой едят мясо и пьют вино. Кроме того, он назвал имена многих хорошо известных в Раджкоте людей из той же компании и некоторых учеников нашей школы.

Я изумился и испытал душевную боль, а затем спросил своего нового друга о причинах этого явления и получил следующий ответ:

– Мы – слабые люди, потому что не едим мяса. Англичане правят нами, потому что они мясоеды. Ты знаешь, как я силен и как быстро бегаю. Это все оттого, что я стал есть мясо. Мясоеды не страдают от фурункулов и опухолей, а если они порой и появляются, то быстро проходят. Наши учителя и прочие известные в городе люди, которые едят мясо, отнюдь не глупцы. Они понимают, как оно полезно. И тебе стоит последовать их примеру. Ничто не заменит собственного опыта. Попробуй и почувствуешь, как мясо дает тебе силы.

Разумеется, все эти аргументы в поддержку мяса были приведены не сразу. Мой друг долго и настойчиво убеждал меня. Мой старший брат уже поддался соблазну и поддержал доводы друга. Я действительно выглядел хилым по сравнению с ними. Они казались более сильными, более развитыми физически и даже более смелыми, чем я. Подвиги друга буквально очаровали меня. Он мог бегать на длинные дистанции, и притом необычайно быстро. Ему легко давались прыжки в высоту и длину. Ему ничего не стоило выдержать любые телесные наказания в школе. Он часто рассказывал о своих успехах. Подобно тому, как всякого человека поражают качества, которыми он не обладает, так и меня поразили достижения, которыми я не мог похвастаться. За этим, естественно, последовало желание стать таким же. Сам я плохо бегал и прыгал, так почему бы и мне не сделаться таким же сильным, как мой друг?

В то время я был чрезмерно труслив, боялся воров, привидений и змей. Я не осмеливался после заката выйти за порог нашего дома. Темнота наводила на меня ужас. Я почти не мог спать в полной темноте, поскольку мне начинали мерещиться призраки, надвигающиеся с одной стороны, воры, являющиеся с другой, и змеи, приползающие с третьей. Поэтому я всегда спал только при свете. И как я мог признаться в своих страхах жене, спавшей рядом со мной, – уже не ребенку, а девушке? Я знал, что она гораздо смелее меня, и стыдился этого. Она нисколько не боялась ни привидений, ни змей. Могла в полной темноте пойти куда угодно. Моему другу были известны эти мои страхи, и он заверял меня, что может запросто держать в руках живую змею, справиться с любыми ворами, а в существование призраков просто не верит. Все это он, разумеется, объяснял тем, что ест мясо.

Среди школьников тогда были популярны незатейливые вирши гуджаратского поэта Нармада:

Страшись, индеец, англичанина могучего, Поскольку сам ты ростом очень мал. А он – твой господин по воле случая: Ел мясо и в пять локтей вымахал.

Стихотворение убедило меня. Я потерпел поражение и задумался о том, что есть мясо действительно хорошо, что оно делает меня крепким и смелым. А если вся страна будет есть мясо, мы сможем избавиться от британского владычества.

Итак, день начала эксперимента был назначен. Проводить его пришлось украдкой. Семья Ганди принадлежала к числу вишнуитов, а мои родители отличались особой религиозностью. Они регулярно посещали хавели и даже имели собственные храмы. Кроме того, в Гуджарате был очень распространен джайнизм¹⁹, и его влияние ощущалось повсеместно и проявлялось постоянно. Неприятие мясной пищи нигде в Индии или даже за ее пределами не было столь сильно, как в Гуджарате среди джайнов и вишнуитов. В таких традициях воспитывался и я сам. Я был в высшей степени предан своим родителям, понимал, что они будут буквально уничтожены, если узнают, что я ел мясо. Вдобавок к этому моя страстная любовь к правде заставляла меня быть более осторожным. Безусловно, я знал тогда, что мне придется пойти на обман, если я стану мясоедом. Но я уже склонился к «реформе». Дело было не в самом вкусе мяса – я еще не знал, насколько его вкус хорош или плох. Я только хотел стать сильным и храбрым и желал этого всем соотечественникам, чтобы мы вместе смогли победить англичан и освободить Индию. Слова «сварадж»²⁰ я еще даже не слышал, но понимал значение понятия «свобода». «Реформа» ослепила меня, и я убедил самого себя, что не отступлю от истины, если скрою свой поступок от родителей.

---

¹⁹ Джайнизм – индийская религия, один из важнейших принципов которой заключается в том, что все живое обладает душой. Отсюда проистекает вегетарианство *джайнов* – последователей этой религии.

²⁰ Сварадж – буквально «свое правление». Лозунг индийского национально-освободительного движения, призывавший к самоуправлению, борьбе против британского колониального правительства.

7. Трагедия (продолжение)

Итак, день настал. Теперь трудно описать то мое состояние. С одной стороны, мною владело страстное желание приобщиться к «реформе», меня привлекала новизна ощущения, возможность что-то изменить в своей жизни. Но, с другой стороны, мне было стыдно украдкой, словно вор, проделывать все это. Затрудняюсь сказать, какое из двух ощущений было более сильным. Мы отправились на поиски уединенного уголка и нашли его на берегу реки; там я впервые в жизни увидел мясо. Был и испеченный в пекарне хлеб. Мне не понравилось ни то ни другое. Козлятина оказалась жесткой, как кожаный ремень. Я попросту не мог есть ее. Мне сделалось дурно, и пришлось уйти оттуда, на ходу дожевывая кусок.

После этого у меня выдалась отвратительная ночь. Меня преследовал кошмарный сон. Каждый раз, когда я засыпал, мне начинало казаться, что живой козел блеет у меня внутри, и я резко просыпался, исполненный раскаяния. Но я сразу же напоминал себе, что есть мясо – это мой долг, и приободрялся.

Мой друг не принадлежал к числу людей, которые быстро сдаются. Он стал сам готовить мясные деликатесы и красиво подавать их. Местом наших трапез был теперь не отдаленный берег реки, а столовая управы со столами и стульями. Мой товарищ обо всем договорился с шеф-поваром.

На эту-то приманку я в конце концов и клюнул. Я преодолел отвращение к хлебу, избавился от сочувствия к убиенным козлам и превратился в ценителя если не самого мяса, то по крайней мере мясных блюд. Это продолжалось примерно год. Впрочем, за все время состоялось не более полудюжины таких мясных пиршеств, поскольку в столовую нас пускали не каждый день и за дорогие мясные деликатесы, конечно, нужно было платить. У меня не было личных денег, чтобы самому оплачивать «реформу», а потому всякий раз моему другу приходилось изыскивать средства. Я понятия не имел, где он их находил, но он успешно справлялся с этой проблемой, поскольку хотел во что бы то ни стало превратить меня в мясоеда. Конечно, даже его возможности были ограничены, и потому наши мясные трапезы оказывались столь редкими.

Когда же мне удавалось поучаствовать в мясном пиршестве, дома я не ужинал. Моя мать, естественно, приглашала меня к столу, а потом спрашивала, почему мне не хочется есть. Я был вынужден отвечать ей в таком духе: «У меня сегодня совершенно нет аппетита. Что-то с желудком». Я придумывал подобные отговорки не без угрызений совести. Я осознавал, что не просто врал, а врал своей матери, но я также понимал, каким страшным ударом станет для моих родителей известие о том, что я ем мясо. Мое сердце обливалось кровью.

Потому я пообещал себе: «Хотя есть мясо важно и провести пищевую реформу в стране необходимо, ложь и обман гораздо хуже отказа от мяса. Пока живы родители, я должен воздержаться от употребления в пищу мясных продуктов. Когда же родителей не станет и я обрету полную свободу, я начну есть мясо открыто, но пока не буду и притрагиваться к нему».

Такое решение я сообщил своему другу и с тех уже никогда не ел мяса. Мои родители так и не узнали, что два их сына ели его.

Я отказался от мяса, не желая лгать родителям, но не перестал встречаться с тем своим другом. Мое стремление перевоспитать его обернулось бедой для меня самого, хотя тогда я совершенно не осознавал столь очевидного факта.

Друг пытался толкнуть меня на измену жене. Только чудом я сумел избежать этого. Однажды он привел меня в бордель, причем тщательно проинструктировал, как себя вести в подобном заведении. Все было организовано им заранее, и даже счет был оплачен загодя. Я бы оказался во власти греха, но Бог и Его бесконечное милосердие защитили меня от самого себя. В том греховном месте меня словно поразили слепота и немота. Я сидел рядом с женщиной на

ее постели, но упорно молчал. Она, естественно, скоро потеряла терпение и выставила меня за дверь, выкрикивая вслед ругательства и оскорбления. В ту минуту я чувствовал себя униженным и был готов провалиться сквозь землю от стыда. Позже я вознес хвалу Богу за свое счастливое избавление. Припоминаю еще четыре похожих случая в моей жизни, когда меня спасала лишь удача, а не мои собственные усилия. Со строго этической точки зрения все эти случаи были моральными падениями, поскольку плотское вожделение все-таки возникало, и я был готов совершить соответствующий акт. Но если взглянуть на мои поступки глазами обычного человека, получается, что мужчина, который физически избежал греха, считается спасенным. И в этом смысле я действительно оказался спасен. Иногда человеку удается уклониться от греха лишь по счастливой случайности. Тогда к нему возвращаются правильные представления о добре и зле, и он преисполняется благодарности за Божественное милосердие, избавившее его от грехопадения. Перед человеком часто возникает порочный соблазн, которому он готов поддаться, но и Провидение так же часто вмешивается в его жизнь и спасает его. Как именно это происходит, какова степень свободы и много ли в жизни моментов, когда человек становится лишь игрушкой сложившихся обстоятельств, как далеко может завести его собственная воля и когда на сцену выходит судьба – все это тайна для нас и навсегда останется таковой.

Но продолжу начатую историю. Даже эти печальные события не открыли мне глаза и не убедили меня в глубокой порочности моего друга. А посему мне пришлось испытать еще немало боли, пока я, совершенно неожиданно, наконец не увидел его в истинном свете. Однако к этому я вернусь позже, поскольку мы придерживаемся хронологии.

Необходимо отметить еще кое-что, относящееся к тому же периоду. Одной из причин моих ссор с женой, несомненно, стала дружба с тем товарищем. Я был преданным, но ревнивым мужем, а друг только разжигал пламя моих подозрений в отношении жены. У меня самого не было причин сомневаться в ее верности, и потому я до сих пор не могу простить себе тех страданий, которые я причинял ей, подстрекаемый другом. Вероятно, одна лишь жена индуса смогла бы вытерпеть подобное обращение, и потому я глубоко заблуждался, считая женщин вообще живым воплощением терпения. Несправедливо заподозренный слуга может бросить свою работу; сын, попавший в подобную ситуацию, может покинуть родительский кров; друг попросту положит конец дружбе. Жена, заподозрившая измену, вынуждена молчать, но если она сама под подозрением, то ее жизнь станет совершенно невыносимой. Куда может она податься? Индийские жены не имеют права просить развода в суде. Закон всегда не на ее стороне. А потому повторю: я не могу забыть обо всем и простить себя за то, что заставил жену страдать.

Я смог окончательно избавиться от ложных подозрений, когда постиг ахимсу²¹ во всей полноте ее смысла. Затем мне открылось величие брахмачарья²², и только тогда до меня дошло, что жена не может быть вечной рабыней мужа. Она должна стать его товарищем и помощником, разделить с ним горе и радость, должна сама выбирать свой путь. Когда я вспоминаю о тех черных днях сомнений и подозрений, меня переполняет отвращение к собственной глупости и порочной жестокости. Мне остается только сожалеть о своей слепой преданности другу.

---

²¹ Ахимса – одно из фундаментальных понятий индуизма, буддизма и джайнизма. На санскрите это слово значит ненанесение физического вреда кому-либо, отказ от всякого насилия.

²² Брахмачарья – учение, основанное на самодисциплине, отказе от чувственных удовольствий.

8. Воровство и расплата

Мне все еще только предстоит рассказать о моих ошибках, относящихся к периоду, когда я ел мясо, и к предшествующему времени – еще до женитьбы или вскоре после нее.

С одним из своих родственников я пристрастился к курению. Не то чтобы мы считали курение полезным или нам полюбился запах сигарет. Нам просто нравилось выпускать изо рта облачка дыма. Мой дядя курил, и мы посчитали нужным последовать его примеру. При этом денег у нас не было, поэтому мы начали подбирать окурки, выброшенные дядей.

Однако окурки нам попадались не всегда, да и табака в них почти не оставалось. Мы стали красть медяки из карманных денег нашего слуги, чтобы покупать сигареты индийского производства. Но где прятать то, что мы купили? Мы, разумеется, не могли курить при взрослых. Кое-как мы продержались несколько недель на этой краденой мелочи, а затем услышали о том, что стебли одного растения настолько пористые, что их можно курить вместо сигарет. Мы раздобыли их и принялись за дело.

Это нас не удовлетворило. Нам не хотелось ни от кого зависеть. Была невыносимой сама мысль, что нельзя и шагу ступить без разрешения старших. Наше отвращение ко всему стало таким острым, что мы решили покончить с собой!

Но каким образом? Где нам взять яд? Мы выяснили, что семена *датуры*, или индийского дурмана, очень ядовиты, и отправились в джунгли на поиски этих семян. Нам удалось раздобыть их. Вечернее время показалось нам наиболее подходящим. Мы пошли в Кедарджи Мандир, заправили маслом лампу, помолились и принялись искать уединенный уголок, но храбрость изменила нам. Что будет, если не умрем мгновенно? И вообще, чего мы добьемся самоубийством? Почему бы попросту не смириться с отсутствием независимости? Однако мы все же проглотили по два или три семени, не осмелившись принять больше. Оба справились со страхом смерти и решили отправиться в Рамджи Мандир, чтобы взять себя в руки и отбросить мысли о том, чтобы покончить с собой.

Тогда я понял, что задумать самоубийство гораздо легче, чем совершить его. С тех пор, когда бы я ни слышал о чьих-то намерениях наложить на себя руки, это не производило на меня почти никакого или же и вовсе никакого впечатления.

Случай с самоубийством в конце концов заставил нас отказаться от привычки подбирать окурки и воровать у прислуги мелочь, чтобы потратить ее на сигареты.

С тех пор, как я повзрослел, у меня больше не возникало желания курить. Я считаю эту привычку варварской, глупой и вредной. Мне непонятно, почему по всему миру люди так много курят. Мне кажется невыносимой сама мысль о том, чтобы оказаться в одном купе с курящими, потому что я задыхаюсь от табачного дыма.

Еще более серьезный проступок я совершил несколько позже. Я таскал медяки у слуг в двенадцать или тринадцать лет, а может, и раньше. Другую кражу я совершил в пятнадцать. На этот раз я умыкнул кусочек золота с браслета моего брата – того самого, что тоже ел мясо. Он задолжал кому-то примерно двадцать пять рупий. На руке он носил браслет из чистого золота, и было несложно отколоть от него немного.

Итак, долг был погашен, но для меня воровство стало слишком тяжелым бременем. Я поклялся себе больше никогда не поступать так. Кроме того, я решил во всем признаться отцу, однако не осмеливался заговорить с ним об этом. Нет, я не боялся, что отец ударит меня. Я не помню, чтобы отец поднял руку на кого-то из нас. Меня пугала только та боль, которую я мог причинить ему своим признанием, и все же я чувствовал необходимость рискнуть, ведь по-другому очистить свою совесть было невозможно.

В конце концов я решил признаться в письменной форме, отдать записку отцу и попросить прощения. Я изложил все на листке бумаги и передал ему лично в руки. В своей записке я

не только признавался в своем дурном поступке, но и просил достойно наказать меня, а заканчивал просьбой не казнить себя самого за вину сына. Я также клялся никогда не воровать в будущем.

Передавая признание, я весь трепетал. Отец страдал от фистулы и был прикован к постели. Кроватью ему служила простая деревянная доска. Я отдал ему листок и сел напротив.

Он прочитал записку; крупные слезы размером с жемчужину потекли по его щекам и увлажнили бумагу. На мгновение он закрыл глаза, а потом порвал записку. Чтобы прочитать ее, ему пришлось сесть. Потом он снова лег. Я тоже заплакал, потому что видел страдания отца. Будь я художником, я бы и сейчас сумел нарисовать ту картину, настолько жива она в моей памяти.

Жемчужные слезы любви очистили мое сердце и смыли с меня грехи. Только тому, кто испытал такую любовь, знакомо подобное ощущение. Недаром гласит молитва:

Лишь тот,
Кого пронзили стрелы истинной любви,
Познал всю ее силу.

Для меня этот случай стал уроком ахимсы. В тот момент я воспринял все только как проявление отцовской любви и ничего больше, но сегодня понимаю, что в слезах отца заключалась чистейшая ахимса. Когда подобная ахимса становится всеобъемлющей, она преобразует всех и вся. Нет предела ее власти.

Вообще-то, такая сдержанность не была характерной для моего отца. Я ожидал, что он разгневется, жестко отчитает меня и от злости станет бить кулаком в свой собственный лоб, но он повел себя смиренно, и я верю, что причина этого крылась в моем откровенном признании. Признаться и пообещать никогда не грешить тому, кто имеет право принять такое обещание, – самый верный и чистый путь к искуплению. Я понял – мое признание успокоило отца и бесконечно усилило его привязанность ко мне.

9. Смерть отца и мой двойной позор

К тому времени, о котором я сейчас расскажу, мне уже шел шестнадцатый год. Мой отец, как я уже упомянул выше, страдал от фистулы и был прикован к постели. Мама, один из старых слуг и я сам ухаживали за ним. На мне лежали обязанности сиделки: я менял его повязки, давал ему лекарства, готовил различные домашние снадобья. Каждый вечер я массировал ему ноги и уходил, только когда он сам просил меня об этом или засыпал. Мне нравилось ухаживать за ним. Не помню, чтобы я хотя бы раз пренебрежительно отнесся к своим обязанностям. Время, оставшееся после выполнения всех ежедневных дел, я делил между занятиями в школе и уходом за отцом. Вечером я отправлялся на прогулку, когда получал от него разрешение или когда его самочувствие улучшалось.

Как раз в это время моя жена ждала ребенка. Это обстоятельство, как мне кажется теперь, означало для меня двойной позор. Во-первых, я не сумел проявить должной сдержанности, все еще оставаясь школьником. А во-вторых, воздержание мешало мне учиться и быть преданным родителям, хотя с детства моим героем и идеалом был Шраван. Каждый вечер, пока я массировал ноги отцу, мысленно я уже устремлялся в спальню. И это в то время, когда религия, медицина и обычный здравый смысл запрещали вступать в сексуальные отношения. Исполнив свои обязанности, я радостно отправлялся в спальню, отдав низкий поклон больному отцу.

Между тем состояние отца с каждым днем ухудшалось. Аюрведические врачи перепробовали на нем все свои мази, хакиды – все пластыри, а местные знахари – все снадобья. Был вызван английский хирург, который порекомендовал сделать операцию, однако вмешался наш семейный доктор. Он посчитал операцию слишком опасной для пациента в столь преклонном возрасте. Мы прислушались к его совету и отменили операцию. Лекарства же не помогали. Мне все же кажется, что, если бы доктор одобрил операцию, рана могла бы вскоре зажить, к тому же оперировать отца должен был хирург, известный даже в Бомбее. Однако Бог решил иначе. Когда смерть неизбежна, искать средства спасения от нее бессмысленно. Мой отец вернулся из Бомбея со всеми необходимыми для операции предметами, которые были теперь бесполезными. Он уже отчаялся и не верил в выздоровление, становился все слабее и слабее, пока не дошло до того, что ему посоветовали отправлять все свои естественные надобности не вставая с постели. Он до самого конца отказывался и неизменно, преодолевая боль, поднимался со своего ложа. Вишнуиты придерживаются крайне строгих правил в отношении личной гигиены.

Нет сомнений, такие правила важны, но западная медицина показала нам, что все отправления (как и мытье больного) могут осуществляться прямо в постели без малейших неудобств, и даже белье при этом останется чистым. Я понимаю, что это не противоречит взглядам вишнуитов, но в то время настойчивость отца казалась мне достойной величайшего уважения и восхищения.

И вот настала та ужасная ночь. Мой дядя находился в Раджкоте. Смутно припоминаю, как он приехал, узнав о том, что моему отцу стало значительно хуже. Братья были искренне привязаны друг к другу. Дядя смог целый день просидеть у постели отца, а потом улегся спать рядом с ним, отправив нас по своим комнатам. Никому и в голову не приходило, что судьба нанесет нам такой страшный удар этой ночью, но беда была уже совсем рядом.

В половине одиннадцатого или ровно в одиннадцать я делал отцу очередной массаж. Дядя предложил закончить вместо меня. Не без облегчения я согласился и ушел в спальню. Моя жена уже крепко спала, бедняжка. Но как могла она заснуть, не дождавшись меня? Пришлось разбудить ее. А уже примерно через пять минут в дверь постучал слуга. Я вздрогнул, чувствуя нарастающую тревогу.

– Вставайте, – сказал он. – Ваш отец очень болен.

Разумеется, я знал, что он очень болен, и понял, что случилось ужасное. Я вскочил с постели.

– В чем дело? Говори же, не томи!

– Вашего отца больше нет с нами.

Значит, все кончено! Мне оставалось лишь в горе заламывать руки. Я чувствовал себя пристыженным и несчастным, бросился в комнату отца и понял, что, если бы низкая страсть не ослепила меня, мне бы не пришлось мучиться оттого, что оказался так далеко от отца в последние минуты его жизни. Я должен был продолжать массаж, и отец скончался бы у меня на руках! Но с ним был только дядя. Только он оказался достаточно предан старшему брату, чтобы принять его смерть! Отец же понимал, что происходит. Он сделал знак подать перо и бумагу, на которой написал: «Начинайте готовиться к последнему обряду». Затем сорвал со своей руки амулет, а с шеи – золотую цепочку с бусинами из священного базилика и отбросил их в сторону. Прошло еще мгновение, и он скончался.

Позор, о котором я говорю, заключался в возникшем у меня недостойном вожделении – и это в час смерти отца! Я никогда не смогу искупить свою вину. Я был безгранично предан родителям, считал, что могу пойти ради них на любые жертвы, однако похоть завладела моими мыслями. Я был верным, но сластолюбивым супругом и еще долго не мог вырваться из плена похоти. Я прошел через множество испытаний, прежде чем окончательно справился с ней.

Дописывая главу о своем двойном позоре, добавлю, что несчастный младенец, родившийся вскоре у моей жены, прожил всего три или четыре дня. Ничего другого и не стоило ожидать. Пусть же всем женатым мужчинам послужит предостережением мой горький опыт.

10. Приобщение к религии

С шести или семи лет до шестнадцати я посещал школу. Меня обучали самым разным предметам, за исключением религии. Получается, я не сумел получить от преподавателей именно того, что они могли бы мне дать без особых усилий. Но я постепенно набирался знаний, общаясь с окружающими. Термин «религия» я употребляю в его наиболее широком смысле – как познание самого себя.

Родившись в семье, исповедовавшей вишнуизм, я часто посещал хавели, хотя он никогда не привлекал меня. Мне не нравились его чрезмерная роскошь и пышность. Более того, до меня дошли слухи об аморальных поступках, совершавшихся там, и я потерял к храму всякий интерес. Следовательно, хавели мне ничего не дал.

Однако то, чего я не взял в хавели, я получил от няни, старой служанки нашей семьи, чью привязанность ко мне я вспоминаю до сих пор. Как я уже рассказывал, я боялся привидений и духов. Няня, которую звали Рамбха, предложила прибегнуть к Раманаме²³. Кажется, я больше верил самой няне, чем этому средству, но еще ребенком начал повторять имя Бога, чтобы избавиться от своих страхов. Конечно, продолжалось это недолго, однако добрые семена, посеянные в детской душе, не пропадают даром. Благодаря Рамбхе Раманаме и поныне неизменно помогает мне.

Примерно в то же время мой кузен, горячий поклонник «Рамаяны»²⁴, предложил мне и моему второму брату выучить «Рама Ракшу»²⁵. Мы заучили ее наизусть и взяли себе за правило повторять каждое утро вслух после омовений. Мы придерживались такой традиции, пока жили в Порбандаре, но как только переехали в Раджкот, традиция забылась, поскольку я не слишком верил в нее. Повторял же я «Рама Ракшу» отчасти потому, что гордился своим правильным произношением.

Больше всего меня впечатлило чтение «Рамаяны» отцу. В один из периодов своей продолжительной болезни он находился в Порбандаре. Там он каждый вечер слушал «Рамаяну», а чтецом был один из самых известных поклонников Рамы – Ладха Махарадж из Билешвара. О нем говорили, что он вылечился от проказы без всяких лекарств, прикладывая к пораженным участкам тела листья билвы, принесенные в жертву образу Махадевы в храме Билешвара, и обращаясь к Раманаме. Именно вера исцелила его. Не знаю, правда это или нет. По крайней мере, мы верили в его историю. Когда Ладха Махарадж начал читать «Рамаяну» отцу, на его теле уже не было никаких следов проказы. Он обладал мелодичным голосом. Он читал *дохи* (куплеты) и *чопан* (четверостишия), а затем объяснял их смысл, увлекаясь сам и увлекая слушателей. Тогда мне было, судя по всему, около тринадцати лет, но я прекрасно помню, как был зачарован чтением. Так я полюбил «Рамаяну». «Рамаяну» Тулсидаса я считаю величайшим духовным произведением.

Через несколько месяцев мы переехали в Раджкот. Там уже не устраивалось чтений «Рамаяны», зато «Бхагавад» читали каждое экадаши²⁶. Иногда я присоединялся к слушателям, вот только чтец совсем не вдохновлял меня. Ныне я понял, что «Бхагавад» – это книга, которая может вызвать истинный религиозный экстаз. Я прочитал ее на гуджарати с величайшим интересом, но, когда позже послушал ее в исполнении пандита²⁷ Мадана Мохана Малавии во время

---

²³ Раманаме – имя Бога, повторяемое в качестве мантры.

²⁴ «Рамаяна» – древнеиндийский эпос о боге Вишну, сошедшем в мир в образе своей седьмой аватары Рамы, о его жизни и подвигах.

²⁵ «Рама Ракша» – средневековое индийское произведение, написанное на санскрите. Повествует о подвигах Рамы.

²⁶ Экадаши – одиннадцатые лунные сутки после полнолуния и новолуния (*санскр.* «эка» – один, «даши» – десять); религиозный праздник. Считается лучшим временем для молитв и постов.

²⁷ Пандит – богослов в индуизме и буддизме; образованный человек.

моего поста, длившегося двадцать один день, я пожалел, что не услышал, как он читает ее, гораздо раньше, тогда бы эта книга полюбилась мне с самого детства. Впечатления, полученные в детстве, пускают наиболее глубокие корни в душе человека. Вот почему меня огорчает то, что мне не довелось услышать чтение большего числа подобных книг именно в тот период.

В Раджкоте я научился быть терпеливым по отношению к сектам индуизма и схожим религиям. Мои отец и мать посещали не только хавели, но и храмы Шивы и Рамы. Они часто брали нас с собой или отправляли туда одних. Кроме того, к отцу часто приходили джайнистские монахи и даже нарушали свои обычаи, принимая пищу от нас, не джайнов. Они беседовали с отцом как на религиозные, так и на мирские темы.

У него были к тому же друзья из мусульман и парсов. Он выслушивал их рассказы о религии с неизменным уважением и часто с большим интересом. Ухаживая за отцом, я нередко мог послушать его беседы с гостями. Это способствовало тому, что я стал терпим ко всем религиям.

Только христианство в то время было для меня исключением. Я даже питал к нему некоторую неприязнь, и для этого имелись свои причины. Помню, как христианские миссионеры, расположившись на углу рядом со зданием школы, бранили индийцев и их богов. Я терпеть не мог этого. Лишь однажды я задержался, чтобы послушать их, и наслушался достаточно, чтобы никогда больше не повторять подобных экспериментов. Примерно тогда же мне рассказали об одном известном индузе, обратившемся в христианство. Он стал предметом пересудов в городе. После крещения он начал есть мясо, пить спиртные напитки, а также носить европейскую одежду и даже шляпу. Подобные слухи действовали мне на нервы. Очевидно, думал я, что религия, принуждающая людей есть мясо и пить спиртное, заставляющая менять привычную одежду, не заслуживает даже называться религией. Мне сообщили, кроме того, что вновь обращенный уже начал презрительно отзываться о вере своих предков, их обычаях и самой стране. Вот где был источник моей неприязни к христианству.

Однако моя терпимость к представителям других религий не означала, что я сам верил в Бога. Как раз в то время в библиотеке отца мне попала «Манусмрити»²⁸. Содержавшаяся в ней история создания Вселенной и другие подобные истории не произвели на меня особого впечатления, но, напротив, кажется, еще больше склонили к атеизму.

У меня был кузен (он жив до сих пор), чей интеллект я высоко ценил. К нему я и обратился со своими сомнениями. Но он не сумел их развеять и отделался от меня следующими словами:

– Когда повзрослеешь, сумеешь сам разобраться. Не стоит даже думать об этом в твоём возрасте.

Мне пришлось замолчать, хотя я ничего и не добился. Я подумал, что главы «Манусмрити» о питании и других подобных аспектах противоречат тому, что я вижу в повседневной жизни. По поводу этих сомнений я получил такой же ответ. «Мой ум окрепнет, когда я прочитаю больше книг. Вот тогда-то я все пойму», – сказал я сам себе.

Как бы то ни было, но из «Манусмрити» я ничего не узнал об ахимсе. О том, как я ел мясо, я уже рассказал. «Манусмрити», казалось, только поддерживала этот грех. Прочитав книгу, я понял, например, что можно убивать змей, жуков и прочих тварей. Помню, как тогда лишал жизни разных насекомых и считал это чуть ли не своим долгом.

Однако кое-что я все-таки усвоил: я понял, что мораль лежит в основе всего, а истина является сущностью морали. Поиски истины стали моей единственной целью. Я укреплялся в своей вере день за днем, и мое понимание истины постоянно расширялось.

---

²⁸ «Манусмрити» («Законы Ману») – древнеиндийский сборник предписаний религиозного, морально-нравственного и правового характера для верующего.

Одно стихотворение на гуджарати поразило меня в самое сердце. Я стал во всем руководствоваться его основной мыслью о том, что на зло всегда нужно отвечать добром. Именно это стихотворение подтолкнуло меня к экспериментам. Вот те восхитительные (лично для меня) строки:

За чашу лишь с водою налей в ответ ты чай
И на кивок приветственный поклоном отвечай.
За поданное пенни ты злата не жалея,
А если жизнь тебе спасли, достойно жить сумей.
И в слове, и на деле будь равен мудрецам,
Ведь за любую мелочь стократ воздастся нам.
Для истинно великих все мы слились в одном,
А потому ты с радостью за зло плати добром.

11. Собираясь в Англию

В 1887 году я успешно сдал выпускные экзамены. Тогда их проводили в двух образовательных центрах, расположенных в Ахмадабаде и Бомбее. Бедность населения Катхиявара, естественно, вынуждала учеников выбрать более близкий и дешевый вариант. Недостаток средств в моей семье вынудил и меня сделать такой же выбор. Это стало моим первым путешествием из Раджкота в Ахмадабад и первой поездкой без сопровождения.

Старшие в семье хотели, чтобы я после сдачи экзаменов продолжил образование в колледже. Доступные учебные заведения имелись в Бхавнагаре и Бомбее, а поскольку учеба в первом была дешевле, я решил отправиться именно туда и поступить в колледж Самалдас. Я приехал и совсем растерялся. Все оказалось очень трудно. Я не успевал следить за лекциями, у меня напрочь отсутствовал интерес к предметам, и дело тут было не в преподавателях. Педагогический состав колледжа считался первоклассным. Это я приступил к учебе, совершенно не подготовленным. После первого семестра пришлось вернуться домой.

Мавджи Даве, умный и очень образованный брахман, был не только старым другом семьи, но и надежным советчиком. Он поддерживал с нами связь даже после смерти моего отца. Однажды во время моих каникул он нанес нам визит и, разговоривая с мамой и старшим братом, стал расспрашивать их о моей учебе. Узнав, что я стал студентом колледжа Самалдас, он сказал:

– Времена изменились. Сложно занять такой же важный гади²⁹, какой занимал ваш отец, без хорошего образования. Сейчас, пока ваш мальчик только начал учебу, вам следует задуматься о его карьере. У него уйдет от четырех до пяти лет, чтобы получить степень бакалавра, с которой он в лучшем случае может рассчитывать на работу с окладом в шестьдесят рупий, но никак не на пост дивана. Если он, как мой сын, займется юриспруденцией, то потратит здесь еще больше времени, и тогда из желающих стать диванами уже выстроится длинная очередь. Я рекомендую вам отправить его в Англию. Мой сын Кевалрам утверждает, что там очень просто стать адвокатом. Он вернется уже через три года. Расходы не превысят четырех или пяти тысяч рупий. Только представьте адвоката, только что приехавшего из Англии. Как хорошо он будет жить! Получить место дивана не составит труда, стоит только заявить о своем желании занять пост. Я советую вам отправить Мохандаса в Англию еще в этом году. У Кевалрама там множество друзей. Он напишет рекомендательные письма, и Мохандасу будет легко освоиться.

Джошиджи, как мы называли старого Мавджи Даве, спросил меня, заранее зная ответ:

– Разве ты не предпочтешь отправиться в Англию вместо того, чтобы продолжить учебу здесь?

Ничего более желанного я в тот момент и представить не мог. Занятия утомляли меня, поэтому я радостно заявил, что чем скорее меня отправят в Англию, тем будет лучше. Однако сдать экзамены быстро нелегко. Быть может, я могу поехать туда и получить образование врача?

Меня перебил брат:

– Отцу это не пришлось бы по душе. Он ведь именно тебя имел в виду, когда говорил, что мы – вишнуиты – не должны вскрывать трупы. Отец видел тебя юристом.

Но Джошиджи настаивал:

– Лично я ничего не имею против профессии врача, как и наши шастры³⁰. Но диплом врача не позволит тебе стать диваном, а мне бы хотелось видеть тебя на этом посту, а быть может, и на более высоком. Только так сможешь ты позаботиться о своей большой семье.

---

²⁹ Гади – должность, пост.

³⁰ Шастры – древние индийские священные трактаты, охватывающие различные области знаний.

Времена меняются, и жизнь становится труднее с каждым днем, а потому мудрее всего будет выучиться на адвоката.

Обернувшись к моей матери, он добавил:

– Сейчас я должен уйти. Пожалуйста, обдумайте мои слова. Когда я вернусь, надеюсь, что вы уже будете собирать сына в Англию. Обращайтесь ко мне, если понадобится помощь. Джошиджи удалился, а я принялся строить воздушные замки.

Мой старший брат мыслил более рационально. Где найти средства на поездку? И можно ли отправить такого юнца, как я, за границу одного?

Мама расстроилась. Ей не хотелось надолго расставаться со мной.

– Твой дядя, – сказала она, – теперь старший в нашей семье. С ним нам нужно посоветоваться в первую очередь. Если он даст свое согласие, мы обдумаем все всерьез.

Однако у брата появилась другая идея. Вот какая:

– Мы имеем право рассчитывать на поддержку в Порбандаре. Мистер Лели, чиновник, очень уважает нашу семью и ценит дядю. Весьма вероятно, что он сможет помочь тебе получить материальную помощь от государства для твоего обучения.

Мне все это очень понравилось, и я приготовился ехать в Порбандар. Тогда еще не было железной дороги, и путешествие туда занимало пять дней. Я уже не раз упоминал, что был труслив, но в тот момент желание побывать в Англии пересилило все. Я нанял повозку до Дхораджи, а там пересел на верблюда, чтобы прибыть в Порбандар на день раньше. Это стало моей первой в жизни поездкой верхом на верблюде.

Наконец я приехал, поклонился дяде и обо всем ему рассказал. Он немного подумал, а потом сказал:

– Не уверен, что в Англии можно жить так, чтобы не нарушить запретов своей религии. Я сомневаюсь, потому что видел много подобных примеров. Когда я встречаю всех этих важных адвокатов-индусов, я не вижу разницы между тем, как живут они, и тем, как живут европейцы. Они не следят за питанием, не расстаются с сигарами, они бесстыдно одеваются, совсем как англичане. Все это противоречит традициям нашей семьи. Вскоре я отправляюсь в паломничество, и жить мне остается не так уж много лет. Стоя на пороге смерти, как могу я осмелиться дать тебе разрешение на поездку в Англию? Как могу разрешить пересекать моря? Но я не хочу и вставать у тебя на пути. Так пусть решает твоя мать. Если она даст разрешение, то поезжай! Передай ей, что я не стану вмешиваться. Ты поедешь, получив мое благословение.

– Ничего другого я и не смел ожидать от вас, – сказал я. – Теперь мне всего лишь нужно уговорить маму. Не могли бы вы рекомендовать меня мистеру Лели?

– Этого я сделать не могу, – отвечал дядя. – Но он очень хороший человек. Попроси его принять тебя, расскажи обо всем. Он, безусловно, встретится с тобой и, наверное, даже поможет.

Сложно сказать, почему дядя не дал мне рекомендательного письма. Тогда мне показалось, что он просто не хочет иметь никакого отношения к моему путешествию в Англию, которое, по его мнению, противоречило нашим религиозным убеждениям.

Итак, я сам написал мистеру Лели. Он вроде бы согласился принять меня в своей резиденции. Мы встретились, когда он поднимался по лестнице.

– Сначала сдайте экзамен на бакалавра, а потом приходите, – коротко сказал он. – В данный момент я ничем не могу вам помочь.

Вот и все, что он сказал, а затем продолжил подниматься вверх. А я-то так тщательно готовился к аудиенции! Вызубрил несколько фраз, низко ему поклонился и сделал приветственный жест обеими руками. И все было тщетно!

Я подумал об украшениях моей жены и о старшем брате, на которого так надеялся. Он всегда был щедрым человеком, а меня любил как родного сына.

Вернувшись в Раджкот из Порбандара, я подробно рассказал обо всем, что там произошло. Я снова посоветовался с Джошиджи, который предложил взять у кого-нибудь деньги в долг, если потребуется. Я сказал, что могу продать украшения жены, за которые дадут две или три тысячи рупий. Брат также обещал найти средства. Мама все еще не одобряла поездку. Она решила расспросить обо всем людей, и кто-то сказал ей, что молодежь пропадает в Англии; другой поведал, что люди там начинают есть мясо, а третий заявил, что жить там и не пить спиртного невозможно.

– Что ты мне ответишь на это? – поинтересовалась она.

Я сказал:

– Разве ты не доверишь мне? Я никогда не стану тебя обманывать. Клянусь даже не прикасаться ко всему этому. Если бы опасность действительно была, неужели Джошиджи посоветовал бы мне поехать туда?

– Я могу доверять тебе здесь, – сказала она. – Но как доверять тебе, когда ты окажешься в далекой стране? Я посоветуюсь с Бечарджи Свами.

Бечарджи Свами когда-то принадлежал к касте модх-банья, но позже стал джайнистским монахом. Он тоже был другом семьи и советчиком, как Джошиджи. Он пришел мне на помощь и заявил:

– Я бы заставил мальчика дать три торжественные клятвы, после чего разрешил бы ему уехать.

Затем он подготовил обряд, в ходе которого я поклялся не прикасаться к вину, мясу и женщинам. Когда с этим было покончено, я наконец получил согласие мамы.

В школе устроили празднество в честь моего отъезда. Путешествие юноши из Раджкота в Англию было поистине необычным событием. Я заранее написал несколько благодарственных слов, но прочитать их вслух без запинки не смог. Помню, как кружилась у меня голова и как дрожали руки, когда я поднялся, чтобы произнести эти слова.

Получив благословение старших, я отбыл в Бомбей. Это стало моим первым путешествием в этот город. Брат вызвался проводить меня, однако, как оказалось, ничего нельзя загадывать наперед. В Бомбее нам пришлось столкнуться с непредвиденными трудностями.

12. Изгнание из касты

Итак, с разрешения и благословения мамы я отправился в Бомбей, оставив дома жену и ребенка, которому едва исполнилось несколько месяцев. Я был счастлив. Однако по нашем прибытии в Бомбей друзья брата сообщили ему, что в июне и июле Индийский океан бывает особенно бурным, а поскольку я впервые отправляюсь в морское путешествие, мне не следует отплывать раньше ноября. Кто-то поделился новостью о том, что во время последнего шторма затонул пассажирский пароход. Это испугало брата, и он отказался отпустить меня немедленно. Я остался на попечении одного из его друзей в Бомбее, а сам он поехал обратно в Раджкот, чтобы вернуться к работе. Брат доверил хранение средств, выделенных на мое путешествие, нашему зятю и переговорил с некоторыми из друзей, взяв с них слово сразу же помочь мне, если понадобится.

Время в Бомбее тянулось томительно долго. Я жил постоянной мечтой об Англии.

А между тем представителей моей касты необычайно взволновало мое намерение побывать за границей. Ни один из касты модх-банья до сей поры не бывал в Англии, и, если я осмеливался отправиться туда, меня нужно было призвать к ответу! Итак, они созвали общее собрание касты и вызвали меня. И я пришел. Как я набрался храбрости, до сих пор не понимаю. Я ничуть не боялся и не сомневался, когда предстал перед собравшимися. Шет³¹, глава общины и мой дальний родственник, всегда поддерживавший хорошие отношения с отцом, обратился ко мне так:

– Каста считает ваше решение отправиться в Англию ошибочным. Наша религия запрещает поездки за границу. Кроме того, насколько нам известно, там невозможно жить, не нарушив религиозных запретов, ведь вам придется есть и пить вместе с европейцами!

На что я отвечал:

– Я не считаю, что поездка в Англию противоречит нашим религиозным убеждениям. Я хочу учиться там. Я дал матери торжественную клятву воздерживаться от трех вещей, вызывающих ваши наибольшие опасения. Я уверен, что клятва защитит меня.

– Но мы обязаны предупредить вас, – продолжал шет, – о невозможности выполнять там религиозные заветы наших отцов. Вы знаете, какими были мои отношения с вашим отцом, и обязаны прислушаться к моему совету.

– Я, конечно же, знаю о ваших с ним отношениях, – сказал я. – Я также знаю, что вы старше, но я бессилён что-либо изменить. Я уже не могу отречься от своего намерения побывать в Англии. Друг моего отца, ученый брахман, не видит ничего предосудительного в такой поездке. Мне дали свое благословение мать и старший брат.

– Но осмелитесь ли вы послушаться приказа представителей и главы своей касты?

– Здесь я и в самом деле нахожусь в безвыходном положении. Впрочем, мне кажется, что каста не должна вмешиваться в подобные вопросы.

Мои слова лишь рассердили шета. Он осыпал меня ругательствами. Я же оставался невозмутимым, и тогда шет вынес свой вердикт:

– С сегодняшнего дня к этому юноше следует относиться как к изгнаннику. Любой, кто поможет ему или пойдет провожать его в порт, будет оштрафован на одну рупию четыре анны³².

Изгнание не произвело на меня никакого впечатления, и я тихо покинул собрание. Меня волновало, лишь как его воспримет брат. К счастью, он тоже проявил твердость характера и написал мне, что его разрешение на мой отъезд остается в силе, несмотря на приговор шета.

---

³¹ Шет – титул богатого торговца.

³² Анна – индийская монета. Существовала до 1961 г. Составляла $\frac{1}{16}$ рупии.

И все же этот инцидент заставил меня поторопиться. Вдруг им удастся каким-либо образом надавить на брата? Вдруг произойдет что-нибудь еще, чего я не предусмотрел? Пока я переживал за свою дальнейшую судьбу, до меня дошел слух, что один вакил³³ из Джунагадха отправляется в Англию по своим делам пароходом, оплывающим 4 сентября. Я встретился с друзьями брата, которым он вверил меня. Они согласились, что я не должен упускать возможности отплыть в Англию в столь хорошей компании. Времени оставалось немного, и я немедленно телеграфировал брату, вновь спросив разрешения и получив его. Затем я обратился к зятю за доверенными ему деньгами, однако он сослался на запрет шета и заявил, что не может рисковать положением в касте. Мне пришлось встретиться с другом нашей семьи и попросить его одолжить средства на билет и прочие расходы. Брат вернет деньги позже, заверил я. Друг был так добр, что не только помог мне финансово, но и ободрил меня. Я был ему несказанно благодарен. Часть полученных денег я сразу же потратил на билет. Затем мне нужно было одеться для путешествия. Еще один друг вызвался помочь с этим. Он приобрел все необходимое. Что-то из одежды мне понравилось, но были и вещи, вызвавшие у меня неприязнь. К примеру, галстук, который я с удовольствием стал носить позже, я тогда возненавидел. Пиджак показался слишком нескромным. Но все это ничего не значило по сравнению с горячим желанием попасть в Англию. Я запасся достаточным количеством провизии на время плавания. Место, зарезервированное для меня друзьями, оказалось в одной каюте с Трьямбакраем Мазмударом, тем самым вакилом из Джунагадха. Нас представили друг другу. Это был опытный человек средних лет, успевший основательно повидать мир. Я же все еще оставался восемнадцатилетним юнцом, ничего не знавшим об этом огромном мире. Мазмудар заверил моих друзей, что они могут не беспокоиться обо мне.

И вот 4 сентября я все-таки отплыл из Бомбея на пароходе.

---

³³ Вакил – адвокат.

13. Наконец в Лондоне!

Надо сказать, что у меня не было морской болезни, но с течением времени я начал все больше нервничать. Я стеснялся обратиться даже к прислуге на судне. Я почти не говорил по-английски, а за исключением господина Мазмудара, все пассажиры второго класса были англичанами. Я не успевал понять смысл фраз, когда со мной пытались заговорить, а даже если и понимал, то не мог сразу ответить. Мне приходилось сначала в уме построить каждое предложение, прежде чем произнести его. Я не умел пользоваться ножом и вилкой, и мне не хватало смелости спросить, какие блюда в меню были из мяса, поэтому я ел не за общим столом, а в каюте, в основном сладости и фрукты, взятые с собой из Индии. У Мазмудара никаких сложностей не возникало. Он без всякого стеснения общался со всеми и свободно разгуливал по палубе, пока я целый день прятался в каюте, выбираясь из нее, лишь когда на свежем воздухе оставалось совсем мало пассажиров. Мазмудар уговаривал меня пообщаться с другими людьми и держаться раскованнее. Он объяснил мне, что адвокату необходимо быть болтливым, и рассказал множество историй из своего богатого опыта. Он советовал мне использовать любую возможность поговорить по-английски, не обращая внимания на ошибки, неизбежные для того, кто слабо владеет иностранным языком. Но ничто не могло заставить меня преодолеть стеснительность.

Однажды один пассажир-англичанин все-таки втянул меня в разговор. Он был старше меня; стал расспрашивать, что я ем, куда направляюсь, почему я столь застенчив и так далее. Он посоветовал мне присоединиться к обедавшим за общим столом. Над моим упорным отказом от мяса он по-дружески посмеялся и сказал:

– Мы сейчас находимся в Красном море, и пока все хорошо. Но уже в Бискайском заливе вы пересмотрите свои взгляды. А в Англии так холодно, что без мяса не прожить.

– Но я слышал, что люди все же обходятся там без мяса, – возразил я.

– Уверяю вас, это выдумки, – продолжал он. – Насколько мне известно, в Англии все едят мясо. Обратите внимание, что я не уговариваю вас пить спиртное, хотя сам охотно его пью. Но я действительно считаю, что вам необходимо начать есть мясо, поскольку без него вам не прожить.

– Весьма признателен за добрый совет, но я торжественно поклялся своей матери не прикасаться к мясу, а потому даже и думать об этом не могу. И если окажется, что прожить без него там и вправду невозможно, я лучше вернусь в Индию, но не стану есть мясо, чтобы задержаться в Англии.

Мы достигли Бискайского залива, но я все еще не чувствовал необходимости ни в мясе, ни в спиртных напитках. Мне посоветовали взять письменное свидетельство о том, что я не ем мясо, и я попросил своего английского друга дать мне такой документ. Он с радостью дал, и какое-то время я им дорожил. Но когда позже убедился, что такое же свидетельство получают даже те, кто на самом деле ест мясо, эта бумага потеряла для меня всякую ценность. Если мне не поверят на слово, то что толку в подобных документах?

Мы добрались до Саутгемптона, насколько помню, в субботу. На борту парохода я носил черный костюм, а белый, из фланели, купленный другом, специально поберег, чтобы выйти в нем на берег. Я посчитал, что белая одежда подойдет мне, и надел костюм перед тем, как впервые ступить на английскую землю. Стояли последние дни сентября, и я обнаружил, что никто больше не оделся подобным образом. Я оставил весь свой багаж агенту компании «Гриндлэй и К^о» вместе с ключами от чемоданов. Многие другие пассажиры поступали так, и я решил последовать их примеру.

Я привез четыре рекомендательных письма, адресованных доктору П. Дж. Мехте, адвокату Далпатраму Шукле, принцу Ранджитсинджи и Дадабхаю Наороджи. Кто-то из пассажиров

посоветовал нам остановиться в лондонской гостинице «Виктория». Туда мы с Мазмударом и отправились. Одно только стыда оттого, что я оказался единственным человеком, одетым в белый костюм, было бы достаточно, но я пришел в полное отчаяние, когда в гостинице мне сообщили, что я не смогу получить свой багаж из «Гриндлэя» назавтра, поскольку компания не работает в воскресенье.

Доктор Мехта, которому я телеграфировал из Саутгемптона, пришел ко мне примерно в восемь часов тем же вечером. Он сердечно приветствовал меня, но не сдержал улыбки при виде моего фланелевого костюма. Беседуя с ним, я небрежно взял его цилиндр и, поддавшись желанию узнать, насколько он гладкий, провел по нему пальцами, потревожив ворс. Доктор Мехта, слегка рассердившись, остановил меня. Но ошибка уже была мною допущена. Этот эпизод стал предостережением на будущее. Так я получил первый урок европейского этикета, в некоторые особенности которого доктор Мехта не без иронии посвятил меня.

– Не стоит прикасаться к чужим вещам, – сказал он. – Не начинайте знакомство сразу с расспросов, как принято у нас в Индии. Не разговаривайте слишком громко. Никогда не используйте слово «сэр», беседуя с людьми, что стало в Индии обычным делом. Здесь только слуги обращаются так к своим хозяевам.

И так далее и тому подобное. Он сказал мне, что жить в гостинице слишком дорого, и порекомендовал поселиться в съемной комнате у какого-нибудь семейства. Вернуться к этому вопросу мы решили в понедельник.

Мазмудар и я сам посчитали гостиницу не только дорогой, но и неудобной. Во время плавания вакил подружился с неким синдхом, прибывшим с Мальты. Он хорошо знал Лондон и предложил подобрать для нас комнаты. Мы согласились. В понедельник, получив багаж и расплатившись по счету, мы сразу отправились в комнаты, снятые для нас дружелюбным синдхом. Помню, мне пришлось заплатить за номер в гостинице и ужин целых три фунта – цена, которая страшно поразила меня. А ведь я так и остался голодным! В ресторане я просил заменить непонравившееся блюдо другим, но деньги с меня все равно брали за оба. Получалось, что я целиком зависел от еды, купленной еще в Бомбее.

Даже в только что снятой комнате я чувствовал себя не в своей тарелке и постоянно думал о родном доме. Мне не хватало заботы моей мамы. Ночью по моим щекам струились слезы, и многочисленные воспоминания о домашней жизни не позволяли мне заснуть. Мне не с кем было разделить свою печаль, но даже если бы такая возможность и появилась, что в том толку? Я знал: ничто не способно утешить меня. Меня окружала незнакомая обстановка, кругом были чужие люди, чужие нравы и обычаи и даже чужое жилье. Я был новичком в вопросах английского этикета, и мне приходилось постоянно держаться настороже. Клятва оставаться вегетарианцем все усложняла. Та пища, которую я мог есть, казалась пресной и невкусной. Так я оказался между Сциллой и Харибдой. В Англии я чувствовал себя чужаком, но о возвращении в Индию не смел даже думать. «Теперь, когда ты оказался здесь, ты должен остаться на положенные три года», – шептал мне внутренний голос.

14. Мой выбор

В понедельник доктор Мехта приехал в гостиницу «Виктория», ожидая застать меня там. Он выяснил, что мы уже съехали, узнал наш новый адрес и встретился с нами. По неосторожности на пароходе я получил лишай. Умываясь и принимая ванну, я использовал морскую воду, в которой мыло не растворяется. Но я упрямо продолжал намыливать свое тело, ведь так поступают все цивилизованные люди. Вместо того, чтобы очистить кожу, я лишь сильнее загрязнял ее. Так и образовался лишай. Я показал его доктору Мехте, и он посоветовал протирать пораженные участки уксусной кислотой. Помню, как жгучая кислота заставляла меня чуть ли не выть от боли. Доктор Мехта осмотрел мою комнату, спросил об условиях найма и неодобрительно покачал головой.

– Такое место вам не подойдет, – сказал он. – Вы приехали в Англию не только для того, чтобы учиться, но и для того, чтобы приобщиться к английской жизни и здешним обычаям. Поэтому вам необходимо поселиться в семье англичан. Но до этого, думаю, вы можете поучиться кое-чему у моего друга ***. Я отвезу вас к нему.

Я с благодарностью принял предложение и переехал к другу доктора Мехты. Тот был очень добр и внимателен ко мне, обращался со мной, как с собственным братом, знакомил меня с обычаями и этикетом англичан, помогал освоить разговорный язык. Серьезной проблемой стало мое питание. Я не мог с аппетитом есть вареные овощи без соли и специй. Хозяйка квартиры совсем растерялась и уже не знала, чем меня накормить. На завтрак мы ели овсяную кашу – порридж, – довольно сытную. Однако я оставался голодным после обеда и ужина. Друг уговаривал меня начать есть мясо, но я упрямо напоминал о своей клятве и этим ставил точку в разговоре. На обед и ужин нам подавали шпинат, хлеб и джем. Я отличался здоровым аппетитом, мой желудок постоянно требовал пищи, но я стеснялся просить больше двух или трех ломтиков хлеба, поскольку считал, что это невежливо. Ко всему прочему, ни к обеду, ни к ужину нам не давали молока. Однажды друг потерял всякое терпение и заявил:

– Будь ты моим родным братом, я бы уже отправил тебя обратно. Что это за обет, данный неграмотной матери, не имеющей ни малейшего понятия о здешних условиях? Это и не обет вовсе! Придерживаться подобного обета – чистейшее суеверие. Скажу прямо: упрямством ты здесь ничего не добьешься. Ты признался, что уже ел мясо и оно тебе понравилось. Ты делал это без всякой необходимости, а сейчас отказываешься, хотя это действительно важно. Какая жалость!

Но я был непреклонен.

День за днем друг все сильнее давил на меня, но неизменно встречал мой отказ. И чем больше аргументов он приводил, тем отчаяннее я защищался. Ежедневно я молил Бога о защите и получал ее. Причем я, разумеется, не имел сколько-нибудь определенного представления о Боге. Была одна лишь вера в него – вера, семена которой посеяла добрейшая нянюшка Рамбха.

Однажды мой друг начал читать мне «Теорию утилитаризма» Бентама, но я ничего не понимал. Язык оказался слишком сложен для меня. Друг принялся объяснять, и я сказал:

– Пожалуйста, прости меня. Этот текст для меня слишком сложен. Допускаю, что мясо есть необходимо, но не могу нарушить клятву и не хочу вступать в дальнейшие споры. Умоляю, оставь меня, считай упрямым глупцом. Я очень ценю твою любовь и знаю, что ты желаешь мне только добра и лишь потому повторяешь свои аргументы снова и снова. Но я бессилён что-либо изменить. Клятва есть клятва. Ею нельзя пренебречь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.